

ЛЮБОВЬ С ЗАДЕРЖКОЙ СИГНАЛА

Мира Старк

Любовь с задержкой сигнала

<https://litres.ru/74546329>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сообщение приходит с опозданием и меняет всё. На лунном маршруте инженер связи и пилот с обезоруживающей улыбкой пытаются понять, почему один и тот же сбой существует сразу в двух версиях, а до спасительного манёвра остаётся сорок одна минута. Между слепыми коридорами, кофе у горячего контура и обедом в вакууме им предстоит рискнуть не только кораблём: признания тоже идут с задержкой, а молчание может стоить слишком дорого. Искромётная космическая комедия о любви, которая находит путь сквозь помехи, и приключении, где для спасения иногда нужен всего один трос и двое, готовых держаться за него вместе.

Обложка: ИИ-генерация лицензия.

Содержание

Время прибытия	4
Подпись под прошлым	18
Пилот с посадочной улыбкой	32
Светляк ещё не свернул	49
Две версии одного сбоя	65
Парус на тонкой нити	82
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Мира Старк Любовь с задержкой сигнала

Время прибытия

Шаттл вошёл в шлюз с таким толчком, будто станция поймала его за воротник и уже передумала отпускать.

Чашка Мира сорвалась с поручня. Коричневая дуга кофе поплыла в воздухе, вращаясь, а следом с магнитного ремня Леи съехал ящик с инструментами.

Мира поймала чашку одной рукой, ящик — локтем.

— Добро пожаловать на «Маяк-12», — сказала она. — Здесь даже вещи пытаются сбежать раньше людей.

Лея прижала ладонь к стене, пока в шлюзе гасла красная полоса блокировки. Вибрация проходила сквозь перчатки и отдавалась в костях; на визоре отражались белые полосы стыковочного коридора. За бронестеклом шаттла мигнули зелёные огни захватов.

— Кофе уцелел?

— Если не считать попытки покинуть чашку, он в порядке. Крышка, правда, сдалась. — Мира подняла ящик и повернула его так, чтобы Лея могла проверить защёлки. — Ин-

струменты целы. Я спасла их и теперь рассчитываю на благодарность в виде горячего завтрака.

— Я не обещала завтрак.

— Ты ещё и не отказала. Это у нас называется перспективой.

Под сапогами медленно нарастало притяжение: искусственная гравитация станции подхватила прибывших — сперва робко, затем увереннее. Мира поставила чашку на полку с бортиком, а Лея придвинула ящик к ноге и потянулась к настенному терминалу. Экран вспыхнул раньше, чем рассеялся пар от её дыхания.

ПРИВЕТСТВУЕМ НА «МАЯКЕ-12», ЛЕЯ МАРЕН.

ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ: 06:44.

ТЕКУЩЕЕ ВРЕМЯ: 06:50.

ОПОЗДАНИЕ: 00:06.

Лея нахмурилась.

— Я только что пристыковалась.

— Терминал заметил, — сказала Мира. — У него просто своеобразный способ поздравить.

Под сообщением выдвинулся приглушённо-голубой значок: ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДАННЫЕ ПРИВЕТСТВЕННОГО ПАКЕТА?

Лея не нажала.

По метаданным пакет поступил в систему в 06:50, хотя создан был шестью минутами раньше. Терминал принимал за время прибытия старый слот — 06:44. Лея раскрыла ис-

торию расписания. Запись мигнула и вытянулась в длинный список служебных исправлений.

В 06:44 её слот отдали грузовому контейнеру, которому понадобилась внеплановая очистка стыковочного кольца. В 06:47 диспетчерская перенесла шаттл Леи на 06:50. Изменение дошло до захватов шлюза, но в приветственный пакет не попало.

— Вот, — сказала Лея, коснувшись строки с новым временем. — Слот изменён на 06:50.

Терминал предложил внести поправку. Рядом мигал таймер: ИЗМЕНЕНИЯ БУДУТ СОХРАНЕНЫ В ИСТОРИИ РЕГИСТРАЦИИ.

— Если примешь его версию, в журнале останется опоздание, — предупредила Мира.

— Знаю.

— Исправишь — останется исправление.

— И это знаю.

Лея вытянула из ящика короткий калибровочный ключ и коснулась им контрольной площадки под экраном. Терминал запросил подтверждение шаттлового транспондера. Пока загружалась стыковочная запись, Мира локтем придвинула к ней чашку.

— Держи. Напиток на грани, но, думаю, это можно считать личностной чертой.

— У кофе?

— У станции. Здесь у неё всё на грани.

На экране появилась отметка импульса захватов: 06:49:58. Лея сопоставила её с перенесённым слотом и добавила пояснение: «Прибытие в назначенное после переноса окно. Пакет сформирован до изменения расписания». Затем нажала «Сохранить».

Терминал помедлил, словно решал, стоит ли спорить с человеком, который стоял перед ним с инструментальным ключом. Надпись «ОПОЗДАНИЕ: 00:06» погасла.

— Поздравляю, — сказала Мира. — Ты провела первые шесть минут на станции, восстанавливая репутацию собственного шаттла.

— У него безупречная репутация.

— Теперь и у тебя.

— В журнале всё равно осталась запись об исправлении.

— Отлично. Пусть там будет указано, что ты пришла вовремя и не позволила железке переписать расписание. Мне нравится такая биография.

Лея убрала ключ. На экране осталась сухая отметка: поправка принята, источник подтверждён. Её пальцы задержались на панели ещё на миг, будто она ждала, что система попросит прощения. Ничего подобного не случилось.

— Станционные часы всё ещё спешат? — спросила она.

— Они не спешат. Просто считают, что все остальные опаздывают. На прошлой неделе медблок получил напоминание о проверке за четыре минуты до того, как проверку назначили.

— Как ты поняла, что напоминание пришло раньше?

— Я стояла рядом с диспетчером, когда он её назначал. Он сказал: «На следующей неделе». Часы ответили: «Уже пора». — Мира подняла чашку, проверила крышку и взглянула на кофе. — Впрочем, с моим завтраком они не ошиблись. Я назначила его на пять минут назад.

За спиной щёлкнули шлюзовые замки, изолируя шаттл от коридора. Где-то за стеной тяжело загудела система перекачки воздуха. Лея расправила плечи и огляделась. На «Маяке-12» всё казалось теснее, чем на схемах: низкие потолки, защитные рейки на поворотах, кабели в прозрачных каналах. Даже воздух был непривычным — сухим и металлическим, с едва заметным запахом озона.

Мира взялась за рукоять ящика, но Лея накрыла её ладонь своей.

— Я понесу.

— Ты только что прилетела.

— И знаю, где у меня лежат инструментальные головки.

— А я знаю, где у нас ближайшая стена. Придётся рискнуть.

Мира улыбнулась, однако руку убрала.

Она повела Лею не к жилым каютам, а в сторону инженерного коридора. Путь оказался длиннее, чем обещала схема: переходы огибали внутреннее кольцо, снова и снова выводя их к развилкам. По дороге Мира показала гидропонный сектор, короткий маршрут до медблока и пару проходов, кото-

рые легко было пропустить, если смотреть только на указатели.

За стеклянной перегородкой гидропонного отсека, под лампами, похожими на рассыпанные золотые бусины, теснились ряды зелени. На фоне серых панелей растения выглядели почти дерзостью. Лея различила крупные листья салата и густые стебли чего-то пряного.

— Ты теперь и медик, и гидропонистка, — сказала она. — Не понимаю, как тебе удаётся находить в сутках лишние часы.

— Я украла их у станционных часов. Они всё равно считают неправильно.

— Справедливо.

— Я знала, что ты оценишь.

Мира закрепила чашку в кольце на поясе и протянула Лее тонкий пакет.

— Еда.

— Это что?

— Завтрак.

— Ты же сказала, что он опаздывает.

— Теперь он идёт по исправленному расписанию. Открывай.

Внутри оказался плотный лепёшечный рулет с яйцом и зелёными ростками. Тёплый, завернутый в бумагу, он пах перцем и базиликом.

— Выращенное в твоём секторе?

— Не всё. Яйца привозные, и я не хочу выслушивать лекцию о происхождении белка. Ешь, пока на станции не завели новую систему учёта калорий.

Лея откусила. Перец обжёг язык, а следом пришло тепло, которого ей не хватало с момента выхода из шаттла.

— Хорошо.

— Вот так и надо принимать заботу: точно, без лишних слов, пока она не остыла.

— Я сказала «хорошо».

— Я слышала. Для тебя это почти песня.

К инженерному отсеку они добрались не сразу. К тому времени, как свернули в нужный коридор, Лея успела доесть рулет, а на ближайшей панели светилось 07:34. Мира убрала чашку с пояса, но у входа задержала шаг.

На панели доступа вспыхнул жёлтый значок, затем сменился синим. За дверью, у длинной стены экранов, было пусто. Несколько рабочих мест горели, но за консолями никто не сидел. В открытом проёме в конце зала виднелись кабели, аккуратно уложенные в потолочные лотки, и тёмное окно смотрового балкона.

За ним лежала Нарвель.

Ледяная луна занимала почти всё стекло. По её поверхности волнами тянулись серые хребты, между ними белели тонкие разломы. Над горизонтом стлалась голубоватая дымка. «Маяк-12» висел над луной одиноким металлическим кольцом, ловил свет звезды и медленно поворачивался, слов-

но пытался сообщить темноте о своём присутствии.

Лея остановилась.

— Тут всегда так тихо?

— В инженерном отсеке? Нет. Обычно кому-нибудь удаётся сломать насос или возмутиться его звуком.

— Я про людей.

Мира на мгновение перевела взгляд на обзорное стекло.

— Людей здесь меньше, чем кажется по спискам. На длинной вахте все расходятся по своим норам. В медблоке я одна, если не считать дежурную машину и пациента, который уверен, что его колено звенит на морозе.

— Звенит?

— Только когда он рассказывает об этом начальству.

За дверью тихо щёлкнул замок, и инженерный терминал проснулся сам. На центральном экране вспыхнула карточка космического судна. Мира шагнула ближе; улыбка исчезла с её лица.

— Вот это уже не моё расписание.

Над карточкой рейса мигало название: «СВЕТЛЯК». Строка ниже показывала число пассажиров — 86. Ещё ниже значились расстояние до корабля и ожидаемое время прохождения сигнала: 41 минута.

Лея поставила недоеденный завтрак на край рабочей консоли. На карточке раскрылась схема маршрута: голубая дуга обходила ледяное тело луны, затем почти прямой линией пересекала участок, отмеченный пыльной штриховкой. На-

звание этого коридора Лея помнила по навигационным картам: Стекланный рукав.

— Корабль идёт по старому курсу, — сказала она.

— Пока идёт. Система просит подтвердить передачу поправки через ретранслятор.

Мира коснулась карточки, но доступ оказался закрыт. Появилось сообщение: ПАКЕТ НАВИГАЦИОННЫХ ДАННЫХ ОЖИДАЕТ КАЛИБРОВКИ КАНАЛА.

На соседнем экране висело окно навигации: День 5, 17:30. Под ним шла поясняющая строка: «Пакет коррекции должен пройти проверку бортовым компьютером до входа в окно».

Мира сняла чашку с пояса и поставила на консоль. Кофе качнулся; Лея тут же придвинула чашку подальше от края.

— Сколько займёт проверка? — спросила Лея.

Мира приблизила текст пальцами, ещё раз пробежала глазами строчку.

— Десять минут.

— Путь сигнала — сорок одна минута?

— В одну сторону.

Лея перевела взгляд на схему.

— Значит, если проверка должна завершиться к 17:30 на День 5, пакет нужно отправить в 16:39.

Мира замерла.

— У нас пять дней.

— Пять дней до последней безопасной отправки. Навигационное окно не изменится.

— А ответ?

Лея посмотрела на строку связи, где мелким шрифтом отображалось время обратного канала.

— Если проверка займёт десять минут и борт отправит подтверждение сразу, оно вернётся не раньше 18:11.

Мира медленно выдохнула через нос. За стеклом ледяная луна продолжала вращаться в своей равнодушной тишине.

— Сорок одна минута — это долго, когда ждёшь, что тебе скажут, живы ли там люди.

— Да.

— Ты говоришь так, будто это число можно исправить.

— Число — нет. Канал, возможно.

Мира посмотрела на неё. В её лице уже не осталось прежней насмешливости, но голос звучал всё так же мягко.

— Ты едва успела поздороваться со станцией.

— Станция поздоровалась первой. Неудачно.

— И уже нашла себе инженера.

— Я пока только читаю условия.

— Вот и читай внимательно. Не торопись соглашаться, — сказала Мира тише.

На экране внизу возникла строка: «Требуется инженер по калибровке ретранслятора. Временное назначение. Пять суток, продление — по согласованию». Под ней мигала кнопка «Открыть условия».

Лея прислонилась бедром к краю консоли, но не нажала. Сначала прочла основные пункты, затем развернула раз-

дел об оплате и ответственности. В документе не было ничего необычного: дежурство по вызову, доступ к диагностическим каналам, возмещение расходов на расходники. Последний пункт предупреждал, что станция не гарантирует своевременного получения подтверждений от корабля.

— Кто составил контракт? — спросила Лея.

— Юридическая система подставила стандартный шаблон.

— Это я вижу. Кто утвердил условия?

— Не знаю. — Мира повела плечом. — Его показывают всем, кто собирается подписать.

Лея нажала на пункт о материальной ответственности и раскрыла мелкий текст.

— Здесь нет ограничения суммы.

— Нет?

— Есть формулировка «в пределах установленного регламента». самого регламента не приложили.

Мира наклонилась к экрану.

— Хочешь позвать куратора?

— Хочу, чтобы регламент приложили до подписи.

— Это займёт время.

— У нас пять дней.

— А пакет сегодня нужно принять, чтобы запустить проверку калибровочного канала. — Мира постучала ногтем по временной шкале. — Можешь подписать временно, с запросом на уточнение.

— Тогда система пометит запрос открытым.

— Хорошо. Пусть пометит. Ты же только что доказала, что записи можно исправлять.

Лея вскинула на неё взгляд. Мира не улыбалась, но уголок её рта дрогнул.

— Ты помнишь, чему я училась у тебя, — сказала Лея.

— Конечно. Мне пришлось многому у тебя научиться. Например, что «я в порядке» иногда значит «я держусь на привычке и кофе».

— Не всегда.

— Достаточно часто, чтобы я спрашивала.

Лея вернулась к контракту. В графе «начало работ» стояло текущее время — 07:34. Рядом предлагалось отметить: «принимаю временное назначение». Ниже она добавила запрос на полный текст регламента ответственности. Для подписи требовалось биометрическое подтверждение.

— Если подам запрос, доступ к диагностике откроют сразу?

— Временный доступ — да. Полный допуск к ретранслятору — после подтверждения операционного куратора.

— Значит, пока я смогу только проверить пакет.

— И разобраться, что именно от нас хотят. — Мира обхватила чашку ладонями, согревая пальцы. — А потом найдём куратора, и он отдаст тебе ключи.

На экране снова мигнул срок отправки: 16:39 на День 5.

Лея перевела взгляд с цифр на схему маршрута. Стеклян-

ный рукав казался тонкой трещиной на карте, но корабль должен был пройти через него с восемьюдесятью шестью людьми на борту. Слово «пассажиры» не давало воображению зацепиться ни за что конкретное. Восемьдесят шесть могло означать зал ожидания, тесную каюту, чьи-то колени, упирающиеся в чужое кресло, или ребёнка, который не спит и просит воды. Безликие числа обрастали подробностями, если задержать на них взгляд дольше, чем полагалось.

Лея ввела запрос, затем приложила ладонь к считывателю.

— Ты уверена? — спросила Мира.

— Нет, — ответила Лея, удивившись собственной честности.

Мира не стала подменять её ответ привычной шуткой. Она поставила чашку на подставку и коснулась плеча Леи — коротко, не пытаясь удержать.

— Ладно. Тогда подпиши не потому, что уверена. Подпиши потому, что сама решила проверить канал.

Лея снова посмотрела на карточку «Светляка», на маршрут, на число пассажиров. Потом — на отражение собственного лица в тёмном краю экрана: усталое, собранное, с прядью волос, выбившейся из-под воротника.

— Принимаю временное назначение, — сказала она.

Система открыла поле подписи. Лея провела пальцем по сенсорной площадке. На экране появилась её подпись — ровная, с угловатой последней чертой. Документ получил статус «Подписан инженером. Ожидает подтверждения опе-

рационального куратора».

— Всё, — сказала Мира. — Ты официально работаешь на станции, которой только что исправила время.

— Я работаю над ретранслятором.

— Звучит куда менее обидно для «Маяка».

— Не хотела бы я его обидеть.

— Поздно. Часы уже записали тебя в личные враги.

Лея убрала ладонь с панели. Контракт исчез, и снова появилась карточка рейса. Внизу открылось новое окно: ДЕЖУРНАЯ СМЕНА. Операционные кураторы значились столбцом, рядом с каждым стояло время дежурства.

Лея пробежала глазами список. На одной строке её взгляд задержался, и пальцы замерли над экраном. Мира сразу заметила перемену: шутивая складка у её губ разгладилась.

ДОРИАН КЕЛЛ. ОПЕРАЦИОННЫЙ КУРАТОР. СМЕНА: 08:00–16:00. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ВРЕМЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ: ОЖИДАЕТСЯ.

На мгновение Лея перестала слышать гул насосов.

Четыре года назад сообщение о разрыве пришло уже после того, как Дориан улетел. Короткое, выверенное, почти безупречное. Лея перечитала его дважды, прежде чем признать: человек, от которого пришли эти слова, уже не стоит рядом и не сможет поправить ни одного из них.

Теперь его имя стояло над её подписью, а под ним мигала незаполненная строка подтверждения.

Подпись под прошлым

Имя Дориана осталось на экране, а палец Леи так и не коснулся строки подтверждения.

Мира посмотрела сначала на неё, потом на фамилию операционного куратора. Шутливая складка у её губ исчезла.

— Хочешь, я пройду с тобой до галереи?

— Нет.

— Это было предложение, а не проверка на прочность.

— Знаю.

Лея отвела руку от панели. Карточка рейса снова развернулась на весь экран, будто ничего не произошло. Но имя Дориана и пустое поле подтверждения так и стояли у неё перед глазами.

Мира не стала спорить. Перехватила ремень сумки на плече и чуть наклонила голову.

— Тогда пойду в гидропонику. Если понадобится, буду на связи.

— Понадобится — позову.

— Хорошо. Только позови до того, как сама во всём разберёшься и сообщишь мне готовый результат.

Лея посмотрела на подругу.

— Постараюсь.

— Уже почти обещание.

— Не привыкай.

На миг у Миры вернулась улыбка — короткая, тёплая. Она легко коснулась Леи за локоть и направилась к боковому коридору. У поворота обернулась, но промолчала. Лея дождалась, пока шаги подруги растворятся в гуле вентиляции, и взяла со стойки пропуск.

На стенном индикаторе было 08:20.

До диспетчерской галереи — шесть минут быстрым шагом. Лея добралась за четыре.

Когда она вошла, индикатор показывал 08:24. За панорамным стеклом медленно вращалась внешняя секция «Маяка-12». Солнечный свет скользил по рёбрам корпуса и пропадал в глубине докового кольца. В галерее пахло озоном, нагретой пылью и металлом — так пахло оборудование, которое давно просило обслуживания, но продолжало работать из упрямства или по расписанию.

Дориан Келл стоял у сервисного отсека, вполоборота к ней. Без форменного пиджака, в тёмной рубашке с закатанными до локтей рукавами. Увидев Лею, он выпрямился и отступил от панели.

— Инженер Марен.

— Операционный куратор Келл.

Он кивнул, словно она назвала номер смены, а не человека, который когда-то знал, как она спит, когда не может выключить мысли.

— Ваше временное назначение ожидает моего подтверждения. Предлагаю сначала пройти ограничения по оборудованию.

дованию.

— Согласна.

Дориан не спросил, почему она пришла одна, и не стал напоминать о неподтверждённом допуске. Вместо этого открыл сервисную створку и показал на прозрачный экран, защищавший участок теплоотвода.

— Здесь повреждение.

Лея шагнула ближе. За стеклом в корпус станции ухилили плоские металлические каналы. Один потемнел вдоль шва; на изгибе приподнялся тонкий край металла. На первый взгляд — царапина от чего-то острого. Если не знать, сколько тепла прошло через этот узел.

Она приложила ладонь к экрану, не касаясь поверхности. Стекло едва ощутимо вибрировало.

— Локальный перегрев или усталость материала?

— Сочетание. Первичный датчик запаздывает на две целых восемь десятых секунды. Диагностика показала трещину до внутренней стенки канала. Обходной контур удерживает температуру, но запас ограничен.

— Насколько?

Дориан вывел профиль нагрузки. Цветные линии легли поверх чертежа узла: синяя — приём, белая — передача, красная — остаточная тепловая нагрузка.

— Передатчик можно держать под нагрузкой до финальной отправки в День 5, шестнадцатого июня, в 16:39. После этого аппаратный замок переведёт его в режим блокировки.

Маломощный приёмник останется безопасным до 18:20 того же дня.

Лея проследила за красной линией. Та резко поднималась, затем медленно ползла вдоль жёлтой границы.

— Разница почти в два часа.

— Передатчик и приёмник по-разному нагружают теплоотвод. При приёме потребление ниже, тепловой след короче.

— А если замок сработает раньше расчётного времени?

— Возможно. Позже — нет.

Дориан не пытался смягчить цифры. Эта точность раздражала меньше, чем любая попытка проявить заботу. Лея склонилась к схеме.

— Три датчика измеряют одну и ту же температуру?

— Два измеряют стенку. Третий — обратный поток.

— Тогда кривая обратного потока скроет локальный нагрев у шва. Среднее значение будет выглядеть прилично, даже когда внутренняя стенка уже выйдет за предел.

Дориан задержал на ней взгляд, затем повернулся к панели и переключил слой.

— Именно поэтому замок связан с контрольной моделью, а не с усреднением.

— Хорошо. Насколько модель зависит от калибровки на холодном цикле?

— Полный пакет данных откроется после подтверждения допуска.

Лея подняла глаза.

— Пока я могу оценить только красивую картинку.

В его лице что-то почти дрогнуло. Не улыбка — скорее признание, что она попала точно.

— Справедливо.

Дориан вывел график холодного цикла. Лея быстро пробежала взглядом по кривым, задержалась на едва заметном изломе и увеличила участок.

— Это не тепловой отклик. Здесь помеха от соседнего контура.

— Таково заключение диагностики.

— Тогда диагностика ошиблась. Отражение идёт в той же фазе, что и импульс калибровочного лазера.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому мне и нужен полный пакет.

Он не возразил. Открыл ей временный доступ, ввёл короткий код куратора и отступил, освобождая место у консоли. Лея подключила пропуск. Интерфейс распознал её профиль и выдал массив данных, куда более честный, чем цветные полосы.

— Здесь часто говорят: если температура держится, узел исправен, — произнёс Дориан, глядя на экран.

— Здесь часто путают температуру с запасом прочности.

— Ещё считают, что приёмник и передатчик можно отключить одновременно и потерять лишь удобство.

— Но тогда мы теряем подтверждение.

— И третий довод?

Лея перелистнула график к нагрузочной кривой.

— Путь сигнала занимает сорок одну минуту. Кто-нибудь наверняка решил, что это дополнительные сорок одна минута на отправку.

— Решали.

— Значит, расписание «Светляка» никто не посмотрел.

Она вызвала временную шкалу. Никакой загадки: станции, расстояние, окно корабельного компьютера и точка, после которой передача теряла смысл. Простая ясность и не позволяла ошибиться без последствий.

— Если финальный пакет покинет передатчик в 16:39, он достигнет «Светляка» в 17:20, — сказала Лея. — За десять минут до навигационного окна.

— При условии, что очередь не задержит отправку.

— Значит, у нас нет десяти минут запаса. Нет времени на повторную подготовку. А обратное подтверждение придёт в 18:11, если корабельный компьютер ответит без задержки.

— Приёмник останется в безопасном режиме до 18:20.

Лея сверила оба числа. Девять минут между подтверждением и аппаратным пределом. Не запас, а узкая полоска света в дверной щели.

— Риск сосредоточен не в отправке, — произнесла она. — Мы должны получить ответ и успеть проверить его до отключения.

Дориан чуть наклонил голову.

— Поэтому на передаче не будет повторных калибровоч-

ных импульсов. И никаких нагрузочных тестов после Дня 4.

— Нагрузочный тест не нужен уже сейчас.

— Предлагаешь довериться модели?

— Предлагаю не греть треснувший канал только ради подтверждения того, что он треснул.

Он помолчал. За стеклом секция станции повернулась на несколько градусов, и по его рубашке скользнула бледная полоса света.

— Если ограничимся холодным циклом, центральная сеть запросит обоснование.

— Приложу график фазового сдвига. На нём видно, где диагностика принимает отражение за отклик.

— Если график подтвердится.

— Если нет, я первой это увижу.

Она открыла симуляцию и задала профиль последней отправки: высокая мощность на коротком импульсе, затем пауза и переход в приёмный режим. Красная линия поднималась, но оставалась ниже контрольной отметки. На второй попытке программа добавила к нагрузке задержку, эквивалентную очереди, — и сразу вывела предупреждение о превышении предела.

Лея убрала второй импульс.

— Вот что происходит, когда время в пути принимают за рабочий запас станции. Мы отправляем один точный пакет, а не проверяем характер теплоотвода.

— Согласен.

В его голосе не было снисхождения. Он увидел тот же риск.

Лея выгрузила график в локальный журнал смены и отметила запрет на повторную высокомоощную отправку после 16:39 Дня 5. Система запросила подтверждение ответственного куратора.

Дориан подписал.

На экране появилось: «Режим ограничения принят».

— Теперь назначение, — сказал он.

Лея сняла перчатку с правой руки и отодвинулась от консоли.

— Если вы подтвердите мой допуск, я приступлю к калибровке сегодня.

— Подтвержу.

Он коснулся своей панели. На запястье коротко вспыхнул индикатор, а пиктограмма на пропуске Леи сменилась с серой на зелёную.

До этой минуты её работа зависела от одного движения его пальца. Никто из них не произнёс этого вслух.

Дориан убрал руку.

— Есть ещё один вопрос, не относящийся к теплоотводу.

— Тогда оставим его до окончания смены.

— Он касается твоего будущего в сети.

Лея снова надела перчатку.

— Моё будущее в сети сейчас зависит от ретранслятора.

— Только частично.

Он сохранял ровный тон, но теперь Лея слышала, как осторожно он выбирает каждое слово. Дориан открыл документ на боковой панели и повернул экран к ней.

— Я выдвинул твою кандидатуру на постоянную инженерную должность во внутренней сети. Калибровочная группа. Работа на центральных узлах, не только на станциях с повреждённым оборудованием.

Лея посмотрела на документ, не касаясь его.

— Вы уже отправили кандидатуру?

— Предварительную. Подтверждение понадобится от тебя, если захочешь участвовать в отборе.

— На каких данных основано выдвижение?

— На твоих рабочих отчётах за последние три года и результатах калибровки ретрансляторов. Я приложил заключения, доступные в сети.

— Мои отчёты проходили через вас?

— Некоторые — да. Не все.

— И вы решили, что я подхожу на постоянную должность, потому что увидели их сейчас?

Дориан задержал дыхание — всего на миг.

— Нет. Я решил это раньше. Сейчас появилась возможность предложить место.

Лея перевела взгляд на характеристики должности. Постоянный контракт. Доступ к центральным узлам. Отдельная лаборатория для калибровки и право утверждать рабочие профили для станций внутренней сети. Должность была

настоящей, и именно поэтому отмахнуться от предложения не получалось.

— Я не приму решение, пока не закончу эту работу.

— Отбор не закроется сегодня.

— Тогда подождёт до окончания передачи.

— Можешь хотя бы прочитать условия заранее.

— Могу. Решение всё равно будет позже.

Дориан опустил экран. Пальцы легли на край консоли, но не сжали его.

— Я не предлагаю тебе место из личных соображений.

— Хорошо.

Они говорили безупречно вежливо, и от этого расстояние между ними становилось только яснее.

— Лея, я хотел бы поговорить о том сообщении.

Остальное в галерее отступило. Щелчок вентиляционного реле, приглушённый гул охлаждения, красная линия теплового графика — всё слилось в ровный фон, такой же плоский, как голос в старой записи.

Четыре года назад голосовое сообщение пришло уже после ухода его корабля. Лея помнила отметку доставки на экране и собственный большой палец, зависший над кнопкой воспроизведения. Потом — цифровой шум в наушнике, короткий вдох и слова, произнесённые так аккуратно, словно между ними никогда не было общей квартиры, кольца и обещаний.

Она прослушала запись дважды. В первый раз — чтобы

услышать. Во второй — чтобы убедиться, что не перепутала смысл из-за задержки.

Теперь Дориан стоял всего в нескольких шагах от неё, в холодном свете диспетчерской. Лее всё равно пришлось удержать себя отступить.

— Келл, — сказала она.

Он замолчал.

— В диспетчерской вы — операционный куратор. Я — инженер, отвечающая за калибровку. Прошное оставьте за пределами диспетчерской.

На его лице не появилось ни возмущения, ни обиды. Только неподвижность человека, принимающего удар, не поднимая рук.

— Понял, инженер Марен.

Лея снова повернулась к графику, хотя проверила его уже несколько раз. Пальцы легли на панель быстрее, чем требовалось. Кожа под перчаткой неприятно прилипла к ладони.

— Изменения по тепловой модели будут внесены в журнал до конца моего блока, — сказала она. — Запрет на повторные импульсы зафиксирован. Доступ к калибровочным данным мне нужен до полудня.

— Доступ открыт.

— Тогда работу можно продолжать.

— Да.

Дориан вернулся к панели и оформил ей полный уровень доступа. Лея проверила каждую строку: срок действия, пе-

речень каналов, ограничение на передачу команд. Подтвердив получение, она увидела на экране только рабочий код и время регистрации.

— По центральной должности, — сказал Дориан, — пришлю документы после аварийной калибровки. Если к тому времени захочешь их посмотреть.

— После финальной отправки.

— Хорошо.

Она свернула профиль и оставила его в очереди — до решения после передачи.

Дориан не пытался вернуть разговор к прошлому. Усталость проступила в его плечах лишь тогда, когда он снова склонился к панели. Лея знала этот жест: он всегда наклонялся ближе к экрану, когда хотел сосредоточиться, и отодвигался, если требовалось спрятать реакцию. Это знание не делало его ближе. Оно лишь напоминало, как когда-то естественно давалась близость.

— Проверьте, пожалуйста, доступ к архиву температуры за последние двенадцать часов.

— Сейчас.

Он подтвердил разрешение. Лея загрузила данные и заметила на кривой обратного потока второй, более слабый излом. Не тот, который диагностика приняла за фазовое отражение. Этот возник на секунду раньше.

— Куратор Келл.

— Да?

Она развернула фрагмент.

— Здесь скачок произошёл раньше импульса.

Дориан подошёл к экрану, но остановился на безопасном расстоянии. Лея увеличила временную шкалу. Между регистрациями оставалась тонкая пустая полоска — системная задержка, почти исчезающая на общем графике.

— Подмена меток? — спросил он.

— Или часы датчика идут с опережением. Перед калибровочным циклом стоит проверить синхронизацию.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Твоё заключение?

— Не включать этот канал в модель, пока не сверим локальную метку с контуром станции. Сделаю это, когда получу полный журнал.

— Разрешение будет.

— Хорошо.

— Инженер Марен, если найдёшь расхождение, сообщи мне до того, как изменишь профиль. Даже если будешь уверена.

Лея закрыла фрагмент, но оставила архив открытым.

— Сообщу.

Он кивнул. Их разговор снова держался на границах, которые можно было измерить и подписать.

Когда Лея вышла из сервисной зоны, часы показывали 10:09. Дориан остался у панели, склонившись над графиками; ладонь лежала на кромке консоли. Он не поднял головы.

В конце галереи открывался широкий обзор на доковое кольцо. Лея задержалась у стекла, чтобы дать остыть раздражению в ладонях. За прозрачной стеной небольшой буксир выходил из тени станции, медленно разворачиваясь к свободному причалу.

Линия захода на посадку шла под вызывающим углом.

Пока опасности не было. Но буксир держал курс так, словно пилот видел разметку и считал её рекомендацией для менее талантливых коллег. Последний импульс бокового двигателя мягко толкнул корпус; судно выравнилось, скользнуло вдоль внешней фермы и вошло в створ почти без дрожи.

На борту, в полосе солнечного света, проступило название: «Сойка».

Пилот поднял руку за стеклом кабины. Даже сквозь отражение было видно, что он улыбается так, словно только что выиграл спор с самой станцией.

В 10:10 доковые захваты сомкнулись вокруг корпуса. Улыбка пилота не исчезла. За спиной Леи Дориан уже открыл журнал прибытия, а она всё ещё смотрела на буксир и думала: человеку, который входит в чужой док под таким углом, наверняка есть что объяснить.

Пилот с посадочной улыбкой

Янтарная метка сцепки вспыхнула на стекле галереи и погасла. Следом загорелась красная дуга предупреждения.

Лея оторвалась от окна.

— Верхний захват перегружен?

Дориан увеличил схему дока. Защёлки на корпусе «Сойки» выглядели ровно; пульсировала лишь одна из трёх отметок.

— Пиковая нагрузка на приводе. Сцепка подтверждена, повреждений нет.

— Пока нет.

Лея наклонилась к экрану. Буксир был закреплён, но длинный корпус стоял к причалу под таким углом, словно судно всё ещё пыталось проскользнуть мимо. На схеме линии усилия сходились у одного захвата слишком тесно. Она перевела взгляд на внешнюю камеру: «Сойка» мерцала в полосе солнечного света, а пилот в кабине по-прежнему улыбался.

— Отметь отклонение от входного коридора.

Дориан уже заполнял журнал.

— Отмечаю.

— И не «нестандартный профиль захода». Угол превышен.

— Я умею вести журнал, Лея, — ровно произнёс он, не

отрываясь от экрана.

Она услышала в его голосе прежнюю насмешливость, но та ничуть не изменила красный индикатор. Станция не принимала улыбки в качестве поправочного коэффициента.

— Тогда запиши цифру.

В журнал легли угол захода и короткий импульс бокового двигателя, которым пилот выровнял корпус в последний момент. Предупреждение о перегрузе исчезло. Дориан закрыл окно регистрации и лишь после этого поднял на Лею глаза.

— Доковый цикл завершён. Пойдём проверим привод, пока он сам не объявил этот манёвр штатным.

— Если объявит, попрошу расписаться под определением.

Они вместе покинули галерею. Лея шла быстрее, но у дверей придержала створку и пропустила Дориана вперёд. Тот коротко кивнул, будто заметил жест и решил не превращать его в отдельное событие. Лифт опустился на два уровня; мягкая вибрация пола сменилась глухим рокотом доковых насосов.

Когда двери разошлись, из шлюзового коридора пахнуло холодным металлом, озоном и едва уловимой сладостью охлаждающей прокладки. Лея задержалась у панели допуска, пока станция сверяла их жетоны с журналом прибытия.

— Пилот уже получил уведомление о перегрузке? — спросила она.

— Да. Я добавил требование предоставить сырые данные

захода.

— Хорошо.

— Он доставил груз, ради которого мы его вызвали. Я не собираюсь задерживать приём из-за манёвра, если система не получила повреждений.

— Я тоже. Но привод всё равно надо проверить.

— Разумеется.

Дориан сказал это с такой учтивостью, будто они обсуждали температуру в помещении, а не то, насколько близко буксир прошёл к повреждению станции.

В доковой камере внешняя шлюзовая створка ещё оставалась закрытой. Сквозь смотровое стекло было видно, как по обшивке «Сойки» бегут тонкие полосы света: автоматика проверяла корпус, швы и манипуляторы. Два техника стояли у контрольной стойки, не заходя в зону герметизации. Наружная створка разошлась, впуская воздух из шлюзовой камеры, и станция начала выравнивать давление.

Лея дождалась зелёного индикатора и только тогда позволила себе выдохнуть.

В 10:27 цикл выравнивания давления завершился сухим щелчком. Внутренняя створка открылась.

Пилот «Сойки» появился на пороге в тёмном рабочем комбинезоне, с закатанными до локтей рукавами. Переносной контейнер он держал обеими руками. Улыбка не сходила с его лица, хотя на красной полоске докового предупреждения взгляд задержался чуть дольше, чем требовала веж-

ливость.

— Хорошая новость: буксир ни во что не врезался.

— Это обычно считается минимальным условием посадки, — заметила Лея.

— Тогда у меня для вас вторая новость: станция заметила, что я старался.

— Она заметила пиковую нагрузку на верхний захват.

Мужчина опустил контейнер на маркированную площадку, не выпуская ремня из пальцев.

— Риан Вей. «Сойка». И, прежде чем вы спросите: да, предупреждение я видел.

Дориан протянул ему руку.

— Дориан Келл, операционный куратор «Маяка-12». Ваш журнал захода уже открыт.

Риан пожал ему руку, затем перевёл взгляд на Лею.

— Лея Марен, инженер по калибровке, — представил её Дориан. — Она будет принимать фазовый кристалл.

Риан протянул свободную руку, не делая шага ближе.

— Рад знакомству.

Лея пожала ему руку. Ладонь у него была тёплой после кабины, пальцы — крепкими, у основания слегка шершавыми. Она отпустила первой и указала на красную отметку.

— Ваш заход вышел за безопасный угол на две целых три десятых градуса. Боковой импульс вернул вас в створ, но с задержкой.

Улыбка Риана стала уже.

— Внесу в отчёт.

— Хорошо.

— «Трёхмерный поклон» звучал лучше.

— У привода другое чувство юмора.

— Уже заметил.

Он посмотрел на створку, за которой погас красный сигнал перегруза.

— Если понадобится, дам полный лог. Без красивых формулировок.

Лея задержала на нём взгляд. Она ждала очередной шутки, которая прикрыла бы неловкость, но Риан уже достал с пояса коммуникатор и открыл данные полёта. В его жесте не было ни вызова, ни попытки торговаться.

— Отправьте в журнал, — сказала она. — Сравним импульс с показаниями захвата.

— Сделаю.

Дориан коснулся контейнера двумя пальцами.

— Сначала проверим пломбы и сопроводительную документацию.

— Разумеется, — согласился Риан. — Я привык, что особенно ценные коробки не доверяют людям с посадочной улыбкой.

— Важна не улыбка, — сказала Лея, считывая номер пломбы. — Важен серийный номер.

— Значит, у улыбки всё-таки есть шанс?

— В журнал её не внесут.

На этот раз Риан рассмеялся коротко, почти беззвучно; плечи у него чуть приподнялись. Лея сравнила номер на корпусе с накладной, проверила температуру термоконтейнера и разрешила технику вскрыть внешний транспортный кожух. Под ним оказался второй, герметичный футляр с фазовым кристаллом в защитном гнезде.

Кристалл был не больше фаланги большого пальца. Его тёмная поверхность казалась матовой, но стоило контейнеру повернуться под лампой, как по граням пробежал тонкий голубой отблеск. На метке производителя значилось, что опорный блок прошёл калибровку перед отправкой.

— Где его синхронизировали? — спросила Лея.

— В сборочном центре на Весте, — ответил Риан. — По станционному эталону, полный контрольный цикл. Документы утверждают, что отклонение меньше допуска.

— Документы любят утверждать.

— Я их за это не виню. Им редко приходится отвечать за последствия.

Лея посмотрела на него, но Риан уже следил за техником: тот осторожно переносил футляр в приёмный термобокс. На краю манжеты пилота серела узкая полоса смазки. Риан заметил её взгляд и потёр запястье рукавом, лишь сильнее размазав пятно.

— Термостабилизация займёт сорок две минуты, — сказала Лея. — До этого проверять опорные метки рано.

— Значит, у нас сорок две минуты, чтобы выяснить, на-

сколько ужасной была моя посадка.

— Хватит, чтобы установить, повреждён ли привод.

— Уже лучше, чем просто «ужасной».

Дориан не улыбнулся.

— Мистер Вей, пока контейнер стабилизируется, передайте сырые данные захода в приёмный журнал. После этого ваше присутствие в калибровочном отсеке будет ограничено ролью свидетеля.

— Я умею стоять за жёлтой линией, — сказал Риан. — Иногда даже молча.

— Иногда? — переспросила Лея.

— Не хотел бы создавать ложные ожидания.

В 10:48 контейнер занял место в термобоксе. Техник закрыл крышку, и по матовой поверхности поползли цифры температуры. Риан отправил полётный лог в систему станции. Дориан проверил подпись и связал файл с доковым событием; красную отметку перегруза он не снял, лишь сменил статус с «непроверено» на «ожидает оценки». Лея проследила, как обновилась запись. Формулировка была точной. Этого пока хватало.

— Данные пришли, — сообщил Дориан. — Заход зафиксирован полностью.

Риан заглянул через его плечо.

— И насколько большой получится штраф?

— Решение зависит от заключения инженера.

— Тогда мне повезло. Она выглядит человеком, который

отличит штраф от его причины.

Лея не подняла головы от экрана термобокса.

— А ты выглядишь человеком, который надеется, что комплимент заменит объяснение.

— Я бы не стал так рисковать второй раз.

Он произнёс это легко, но на слове «второй» его взгляд на мгновение скользнул к закрытому боксу. Затем Риан отступил к контрольной стойке, освобождая Лее место у панели.

Пока термобокс доводил кристалл до рабочего диапазона, Дориан разобрал полётный лог на составляющие и проверил, не передался ли удар от захвата в силовую раму дока. Лея сверила параметры кристалла с документами: производителя, срок хранения, температуру перевозки. Риан отвечал на вопросы о маршруте контейнера и без подсказки называл номера пломб.

К полудню он уже не пытался шутить при каждой паузе. Иногда лишь постукивал костяшкой пальца по краю стойки, будто ловил ритм, которого больше никто не слышал.

В 11:30 температура в термобоксе достигла рабочего коридора. Лея получила разрешение перенести кристалл в калибровочный отсек. Дориан пошёл с ней; Риан последовал следом, оставив внешний кожух технику. У входа в отсек ему выдали отдельную бирку временного допуска.

Главный излучатель находился за двумя герметичными дверями. Здесь всё было приглушённым: свет без бликов, голоса без эха, движение — только по узким проходам во-

круг тестового стола. За толстой обзорной панелью виднелась часть внешней фермы; на фоне звёзд тускло поблёскивал отражатель ретранслятора.

Лея поместила фазовый кристалл в изолированный тестовый держатель. К рабочему каналу его пока не подключали. стенд позволял сверить опорные метки, не передавая сигнал наружу.

— Сначала часы, — сказала она. — Потом короткий пакет по обходной линии. Никакого выхода на зеркало.

— И никаких повышений мощности, — уточнил Дориан.

— На этом этапе повышение не требуется.

— Фиксирую ограничение заранее.

Лея повернула к нему голову.

— Зафиксируй.

Она ответила резче, чем собиралась. Дориан не отозвался и лишь отметил параметры режима, оставив ладонь на панели блокировки. За четыре года, прошедшие с разрыва помолвки, Лея научилась узнавать его паузы: в них он обычно прятал уже принятое решение. Но сейчас спорить следовало о контуре, а не о том, что осталось между ними.

Риан остановился за жёлтой линией и поставил футляр на полку так осторожно, словно контейнер всё ещё был горячим.

— Контрольный сигнал станции идёт, — сказала Лея.

На экране возникла тонкая зелёная отметка опорного генератора. Затем система считала метку фазового блока. Две

вертикальные линии появились рядом, но не совпали.

Лея приблизила шкалу.

— Четыре целых восемь десятых микросекунды вперёд.

Риан присвистнул.

— Может, он просто торопится домой.

— У кристалла нет дома. У него есть эталон.

— На «Сойке» часы тоже отстают. Мы считаем это признаком характера.

— Станция считает это признаком неисправности.

Дориан посмотрел на значение.

— По документам допуск меньше одной микросекунды.

— Ошибка почти в пять раз выше заявленной.

Риан провёл большим пальцем по кромке футляра. Улыбка всё ещё держалась на его лице, но в глазах уже не было попытки отшутиться.

— Могла сбиться метка при перевозке?

— Могла. Могла сбиться калибровка до отправки, мог повредиться опорный блок. Измерение подтверждает сдвиг, но не его причину. После перевозки обвинять в нём кристалл рано.

— Я и не прошу обвинять, — сказал Риан. — Просто пытаюсь понять, сколько вины за это можно повесить на мой заход.

— До проверки кристалла — ни грамма. За верхний захват отвечают две целых три десятых градуса. Это разные строки.

Он коротко кивнул, будто отложил ответ в нужное отделение памяти.

— Хорошо. Тогда запишите и это.

— Запишу.

Лея пустила контрольный импульс. На стенде вспыхнула тонкая синяя линия; пакет прошёл по обходной линии и вернулся в заданном окне. Система отметила чистую запись, совпадение контрольной суммы и одну передачу на один запуск.

— Прямой контур, — сказала она. — Источник и приёмник видят одну посылку. Следующий этап — зеркало на диагностическом уровне.

— Если отклонение в кристалле, зеркальный контур может потерять захват, — заметил Дориан. — Мощность хочу оставить минимальной.

— Я и собиралась начать с минимальной.

— Фиксирую ограничение заранее.

— Зафиксируй.

На этот раз её голос прозвучал спокойнее. Дориан отметил режим и убрал руку с панели блокировки.

В 13:42 Лея перевела контур с обходной линии на внешний отражатель. На схеме маршрута появилась золотистая дуга: тестовый пакет должен был пройти от излучателя к зеркалу и вернуться на приёмный стенд. Лея ещё раз проверила блокировки, состояние заслонки и уровень диагностического импульса.

— Запуск один.

— Запуск один, — подтвердил Дориан.

Риан склонился к обзорному окну, стараясь не пересечь жёлтую черту.

— Если зеркало ответит дважды, у него тоже характер?

— Если ответит дважды, сначала проверю, сколько раз его спросили, — сказала Лея.

— Честный подход.

Она коснулась команды.

Тонкая синяя линия пересекла экран. В левом верхнем углу стенда загорелась метка записи: пакет принят, контрольная сумма чистая. На долю секунды всё выглядело безупречно.

Потом та же строка возникла ниже.

Номер пакета совпадал. Время записи было другим. Между отметками — одиннадцать миллисекунд.

Лея застыла у панели, не от испуга, а от мгновенного нежелания верить таким аккуратным цифрам.

— Повторный пакет? — спросил Дориан.

— Один запуск. Источник записал один.

На схеме внешнего зеркала индикатор синхронизации мигнул, сменил цвет на жёлтый и на секунду погас. Потом загорелся вновь, уже с пометкой о потере захвата.

— Зеркало сбросило окно синхронизации, — сказала Лея. — Приёмник прочитал буфер повторно.

— Значит, кристалл не держит фазу, — произнёс Дориан.

— Контур потерял синхронизацию на зеркале. Причина ещё не установлена.

— Мы видели сдвиг опорной метки до запуска.

— Да. Но по обходной линии пакет прошёл чисто, а у зеркала проявился второй симптом. Если свести их к одной причине, мы можем заменить исправный узел и оставить неисправный на месте.

Риан больше не улыбался. Он смотрел на две одинаковые строки, будто надеялся разглядеть между ними отличие.

— То есть пакет не отправлялся дважды, — сказал он. — Он ушёл один раз, а на выходе записался повторно.

— Верно, — ответила Лея. — Исходная запись чистая. Дубликат появился на возврате. Потеря синхронизации — на зеркале.

— И это опасно?

— На диагностической мощности мы увидели сбой. На рабочей он может исказить данные или отправить в канал ложную метку. Мощность не поднимаем, пока не выясним, что именно сделал отражатель.

— Согласен, — сказал Дориан.

Лея повернулась к нему.

— Ты согласен не поднимать мощность или проверять зеркало?

— Первое. Второе решим после оценки внешнего узла. Я не дам разрешение на уровень выше диагностического, пока зеркало не осмотрено.

— Если остановимся сейчас, мы не отделим ошибку кристалла от сбоя отражателя.

— Повторный запуск через зеркало — только после осмотра. Повышать мощность до этого не будем.

Лея почувствовала, как край панели впивается в пальцы, и убрала руку.

— Ты запрещаешь повышение, хотя я его не предлагала. А теперь говоришь, что испытание нельзя продолжать даже на текущем уровне.

— Я запрещаю действие, которое может повредить станцию.

— Пока мы не проверим контур, не выберем и правильный ремонт.

— Поэтому сначала осмотр.

— А если зеркало в порядке, мы потеряем время на разбор корпуса, хотя проблема окажется в опорных метках кристалла.

— Если зеркало не в порядке, следующий импульс может попасть не туда, куда должен.

— Мы не собираемся направлять его в жилой сектор.

— Я не стану успокаивать себя планами. Здесь есть предел безопасной мощности. Он останется пределом до проверки.

Между ними повисла тишина. За стеклом отражатель станции висел на внешней ферме — маленькая чёрная конструкция, почти неотличимая от деталей корпуса. На панели продолжали светиться две одинаковые строки. Их аккурат-

ная запись не объясняла, почему одна посылка стала двумя.

Лея развернула стенд так, чтобы схема была видна всем.

— Вот источник. Один запуск. Вот метка записи: чистая. А вот возврат от зеркала — дубликат с разницей в одиннадцат� миллисекунд. Повышать мощность незачем. Нужно выяснить, что потеряло захват.

— Осмотр покажет, повреждена ли механика, — сказал Дориан. — Если найдём люфт, смещение или сбой привода, испытания останоятся.

— А если не найдём?

— Тогда пересмотрим режим.

— После осмотра.

— Да.

Риан перестал опираться плечом на жёлтую линию и взглянул на панель полётного доступа у входа в отсек.

— «Сойка» может удерживать позицию у внешней фермы, — сказал он. — У меня есть ремонтный манипулятор и независимый стабилизатор. Если вашей бригаде понадобится осмотр, я доставлю буксир к рабочему сектору и останусь на месте.

Дориан повернул голову.

— Буксир не сертифицирован для обслуживания главного излучателя.

— Я и не предлагаю лезть в излучатель. Только удерживать позицию у фермы.

— Для внешнего осмотра нужен отдельный план риска.

— Составьте его, — сказал Риан. — Я передам параметры манипулятора и тягового контура.

Лея посмотрела на него. Впервые за день он предлагал не шутку, а конкретную работу — полезную, проверяемую и всё ещё связанную с риском. Его предложение не делало буксир безопаснее, зато давало им дополнительный способ добраться до зеркала.

— Сначала проверим данные по доковому захвату и возможности удержания позиции, — сказала она. — Потом обсудим допуск.

— Хорошо.

Дориан закрыл экран испытаний, сохранив обе записи.

— Я рассмотрю запрос. До решения стенд остаётся на диагностическом уровне. Внешний контур закрыт.

Лея кивнула, уже глядя на журнал: запрет внесли, но рядом с причиной сбоя по-прежнему стояла пустая строка для заключения.

Риан достал пилотскую карту и положил её на край стола. Карта скользнула по металлу и остановилась у ладони Дориана.

— Данные манипулятора отправлю сейчас, — сказал Риан. — Подпись на запрос поставлю тоже.

Дориан не потянулся за картой. Лея придержала её пальцем, когда та снова качнулась к краю. Риан посмотрел на её руку, потом на неё саму.

Улыбка вернулась, но стала тише прежней.

— Кажется, станция всё-таки принимает жесты.

— Только если они зафиксированы в журнале.

Лея убрала палец с карты. Дориан так и не взял её, а две одинаковые строки продолжали светиться на сохранённом стенде.

Светляк ещё не свернул

Пилотская карта дрогнула под ладонью Леи; Дориан наконец прижал её двумя пальцами.

— Запрос зарегистрирую как полученный, — сказал он.
— Решение о допуске остаётся открытым.

— Карте сегодня не обязательно знать, одобрена она или нет, — заметил Риан. — Ей достаточно, что её перестали ловить с края стола.

Улыбка ещё не сошла с его лица, но прежней лёгкостью уже не прикрывала всю комнату. Лея посмотрела на него, затем на Дориана. Тот сканировал пилотскую карту на терминале; рядом с журналом появилась новая строка: «Запрос Р. Вея. Ожидает рассмотрения». Поле возле причины сбоя по-прежнему пустовало.

— Данные манипулятора вы отправили? — спросил Дориан, не поднимая глаз.

— В очередь. Подписанные.

— Хорошо. Лея, исходные записи испытания сохранены?

— Обе версии. Ничего не перезаписывала.

Она указала на две одинаковые строки в журнале. Риан забрал карту у Дориана, убрал во внутренний карман и не стал превращать маленькую уступку в победу.

Вентиляция шумела ровно, будто пыталась заглушить станционные сигналы. Безуспешно. На настенном индикаторе

ре вспыхнул оранжевый прямоугольник. Короткий тон прорезал гул мастерской и стих. Лея успела прочесть только идентификатор входящего канала.

Она уже направлялась к двери, когда Дориан спросил:

— Откуда пакет?

— Зал связи. «Светляк».

Риан оказался рядом с ней прежде, чем дверь отъехала до конца. Дориан шёл следом, застёгивая манжету формы. В коридоре было прохладнее; вдоль потолка тянулись белые линии аварийного освещения, а через смотровые проёмы виднелись редкие рабочие огни внешнего каркаса.

У входа в зал связи Лея задержала ладонь над считывателем.

— Я открою контейнер без расшифровки содержимого.

— Разумеется, — отозвался Дориан. — Сначала происхождение, потом данные.

Риан посмотрел на неё с одобрением, но промолчал. Его молчание оказалось полезнее улыбки: он не торопил её и не пытался угадать, что она найдёт.

Дверь разошлась.

В зале связи почти все панели оставались тёмными. Работал только маломощный приёмный контур: тонкая зелёная полоса на стене, две дежурные консоли и узкий экран над герметичным ящиком буферных носителей. В углу мигало предупреждение о температуре охлаждающей петли. Лея от-

метила его и решила вернуться к нему после проверки пакета.

На центральном экране висел новый файл. Имя корабля, бортовая метка и номер последовательности совпадали с последними сохранёнными записями «Светляка». Под ними стояло время получения: 20:10.

— Не открывай, — сказал Дориан.

— Не собиралась.

Лея вывела на соседнюю панель заголовок пакета. Контейнер предлагал распаковать навигационные данные; она отклонила запрос и поместила исходный файл в карантинную ячейку.

— Принят в 20:10:00, — прочитала она. — Отправка с борта указана в 19:29. Между метками сорок одна минута. Интервал совпадает с расчётным временем передачи.

— А запись? — спросил Риан.

— 16:08.

Он тихо присвистнул.

— Значит, письмо четыре часа ехало до того, как решило отправиться.

— Не ехало. Лежало в буфере, — поправила Лея. — Время записи и время отправки — разные поля.

— Спасибо. Я как раз хотел сказать, что корабль не способен путешествовать назад во времени.

— Хорошо, что удержался.

Риан улыбнулся, но Лея уже проверяла контрольную сум-

му. Она совпала; бортовая подпись тоже прошла проверку. Номер последовательности ставил пакет ровно на своё место — следом за файлом, зарегистрированным на «Маяке» до полудня. Метка бортовых часов учитывала поправку, полученную при прошлом обмене.

Лея открыла замок карантинной ячейки и достала тонкий носитель. Тот был тёплым от работы буфера. Она вставила его в отдельный считыватель, не подключённый к передающему контуру.

— Запись подлинная, — сказала она. — А вот соответствует ли она нынешнему положению корабля, ещё предстоит выяснить.

— Четыре часа ожидания — долгий срок для корабельного маршрута, — заметил Дориан.

— В 16:08 экипаж записал план. В буфере он лежал до отправки, — ответила Лея. — И время отправки ничего не говорит о том, что происходило после записи.

Она запустила извлечение заголовков. На экране развернулась карта короткого маршрута, затем появилась отметка: «Маршрут S-6 загружен в навигационный блок». Ниже значился прежний курс S-4, зачёркнутый бортовой системой. Следующая строка сообщала: «Манёвр назначен на окно 17:30». Подтверждения исполнения не было.

Риан подошёл ближе.

— Значит, они поменяли маршрут.

— Обновили навигационный план, — уточнила Лея. —

Сам корабль ещё не подтвердил поворот.

Он задержал взгляд на строке без отметки исполнения. На секунду привычная лёгкость исчезла с его лица.

— Это было до окна.

— Да. Мы получили пакет уже после времени, когда должно было прийти подтверждение. Он говорит, что экипаж собирался сделать. Не говорит, что произошло дальше.

Дориан провёл пальцем по краю консоли. На его лице ничего не изменилось, но взгляд задержался на пропуске в журнале.

— Обратный пакет должен был прийти в 18:11.

— Его нет, — сказала Лея.

Риан постучал ногтем по карте.

— Но новый маршрут есть. Хоть какая-то хорошая новость.

— Хорошая, если он безопасен.

Лея закрепила заголовок в левом углу экрана и открыла последние наблюдения станции. Не архивные кадры, на которых строили S-6, а свежую съёмку внешнего обзора. На панели появились две полосы данных: спектральная кромка «Стеклянного рукава» и расчётный коридор «Светляка». Между ними сначала оставался узкий зазор.

Затем Лея наложила свежую отметку на старую.

Серая полоса легла поперёк синей линии маршрута.

— Ты уверена, что взяла нужную съёмку? — спросил Дориан. — В новой мог сместиться ориентир.

— Могла.

Она открыла опорные звёзды, на которых держалась привязка. Все оставались на местах. Лея вывела на экран второй канал — спектральный обзор с внешнего коллектора, независимый от основной камеры. Светорассеяние подтверждало прежний край рукава, но плотная полоса теперь начиналась ближе к расчётному пути.

Риан не отрывал взгляда от изображения.

— Насколько ближе?

Лея увеличила сектор.

— S-6 проходит по самому краю. При текущем векторе «Светляк» войдёт в полосу, если облако сохранит движение.

— А S-4?

— Глубже.

Дориан снял с панели тонкую рамку и положил её на стол.

— Станция не может принимать решение по одному изменению кадра.

— Это два независимых канала с разными привязками.

— Полоса могла изменить форму, а не сместиться.

— Тогда края разойдутся. Здесь они сходятся.

Лея увеличила участок, где серый контур пересекал маршрутный коридор. Линия была тонкой, почти незаметной, но теперь становилось ясно: прежний расчёт целиком опирался на старое положение пыли. На карте S-6 выглядел аккуратным обходом. По новым данным он вёл прямо к самой плотной части «Стеклянного рукава».

Риан опёрся ладонями о край консоли.

— Если они прошли окно, корабль уже мог свернуть.

— Мог, — согласилась Лея. — Но пакет этого не подтверждает. Текущий вектор нам неизвестен.

— Зато мы знаем, куда ведёт загруженный план.

— Да.

Она сохранила обе проекции отдельно: прежнюю, с отметкой времени 16:08, и новую, построенную по наблюдениям 19:58 и 20:06. Подписала каждую и оставила временные метки видимыми.

— Есть ещё вариант, — сказал Дориан. — Наши свежие наблюдения могли зацепить отдельную пылевую полосу, а не ту, что пересекает маршрут.

Лея повернулась к нему.

— Спектр совпадает, и пространственный угол тоже.

— Я не говорю, что совпадение вероятно. Я говорю, что его нужно исключить.

— Исключим на галерее. Там обзорный экран получает живую привязку от внешнего коллектора.

Риан уже отступил от панели.

— Отлично. Проверим опасность глазами. Это всегда приятнее, чем смотреть, как она растёт на столе.

— На галерее мы увидим тот же набор данных, — сказал Дориан.

— Зато на ходу, — отозвался Риан. — Станции тоже полезно иногда сменить позу.

Лея погасила лишние панели и вынула носитель из считывателя. Убрав его обратно в ящик буферных копий, она защёлкнула крышку и проверила, что карантинная пломба загорелась зелёным.

— Содержимое сохранено отдельно. Идём.

В смотровой галерее было темно. Внешние огни «Маяка-12» отражались на стекле, накладываясь на звёзды. На центральном экране шла свежая проекция неба. Лея отключила графические подписи, оставив только края облака и опорные точки.

Риан подошёл к окну. Он не стал касаться стекла, лишь чуть наклонил голову, словно искал в реальном пространстве тот самый угол, который показывала схема.

— Вот оно, — сказал он. — По левому краю, за тонкой цепочкой маяков.

Лея не сразу различила полосу. Потом увидела: почти чёрная в глубине, с призрачной серебристой каймой там, где свет далёкой звезды рассыпался на пыли.

Дориан поднял ладонь к сенсорной рамке. На стекле вспыхнули два независимых контура: один строился по звёздной привязке, другой — по спектральному срезу. Они совпали не идеально, но достаточно близко, чтобы расхождение нельзя было списать на ошибку наведения.

— Край сдвинулся, — сказал он наконец.

Лея не ответила сразу. На проекции между серыми границами медленно прорисовался курс S-6. Он едва касался

облака, а затем уходил внутрь, к плотной области.

— Текущий расчёт не даёт безопасного зазора, — сказала она.

Риан не отрывал взгляда от стекла.

— А тот, по которому они собирались свернуть?

— Теперь он опаснее.

На вспомогательной панели снова вспыхнуло предупреждение о температуре охлаждающей петли. Дориан обернулся, нажал на индикатор и вывел график нагрузки. Между его бровями легла глубокая складка.

— Вы собираетесь снова поднимать мощность? — спросил он.

— Нет. Мне нужно проверить форму передачи на модели.

— На модели проверяйте. Но петля уже близка к пределу.

На графике виднелся короткий красный участок, после которого температурная кривая слишком медленно шла вниз. Дориан увеличил его.

— Повреждение нарастает с каждой полной нагрузкой. Маломощный приёмник мы сохраним, но передающий каскад придётся безопасно остановить сразу после подтверждения передачи. Ждать нельзя.

— Приём останется включён? — спросил Риан.

— На отдельном низком контуре. Он не зависит от передающего каскада, пока нам не приходится делить охлаждение между ними. Но повторные полноразмерные испытания исключены. Один неудачный прогон — и мы потеряем воз-

возможность передать поправку вообще.

Лея всмотрелась в график. Между желаемым уровнем мощности и тем, который петля ещё могла удерживать, оставалось всё меньше места.

— Значит, никаких проверок зеркала на полном импульсе, — сказала она.

— Именно, — отозвался Дориан.

— Сначала механический осмотр, потом калибровка на малом сигнале. Нагрузку поднимаем только для передачи.

— С подтверждением готовности охлаждения, — добавил Дориан.

— Если канал выдержит малый сигнал, успеем проверить синхронизацию и не повторим сбой.

Риан перевёл взгляд на край стекла, где мимо звёзд медленно ползла крошечная светлая отметка.

— Это «Парус»?

Лея вывела изображение внешней фермы. На схеме зеркала были обведены зелёным; одно из них отставало от соседних, и метка дрейфа смещалась относительно предыдущего снимка.

— «Парус». Запасное зеркало. Оно должно было держать эту позицию.

— Уже не держит.

Риан подошёл к экрану и увеличил участок. Само зеркало по-прежнему оставалось неразличимым — только геометрическая метка и слабая точка отражённого света. Но он смот-

рел не на метку, а на движение.

— Его не просто сносит по ферме, — сказал он. — Разворачивает.

— По этим данным скорость вращения не вычислить.

— Я и не вычисляю. Блик меняет угол быстрее, чем положение зеркала. Если крепление дало люфт, зеркало будет уходить из захвата каждый раз, когда мы попробуем вывести на него луч.

— Или оно дрейфует вместе с внешним контуром, — сказал Дориан.

— Тогда соседние отметки ушли бы вместе с ним. Они на месте.

Лея проверила метки. Риан был прав: дрейфовало только зеркало. Не быстро, но за несколько часов оно могло изменить угол отражения. Лея вспомнила повторённый пакет на тестовом прогоне — две чистые копии, отмеченные как одна передача. Тогда они не могли понять, сбоят ли синхронизация фазового кристалла или отражённый канал. Теперь у ошибки появилось ещё одно возможное укрытие.

— Если «Парус» продолжит вращаться, он выйдет из рабочего окна, — сказала Лея.

— «Сойка» может подойти с внешней стороны фермы, не заходя под тепловой контур. Я возьму захват с буксира и проверю крепление, не вытаскивая зеркало из гнезда.

Дориан обернулся к нему.

— Запрос на использование «Сойки» не одобрен.

— Он и не отклонён.

— Это не разрешение на внешнюю операцию.

Риан сложил руки на груди. Улыбка исчезла окончательно.

— Я говорю о разовом осмотре. Не о том, чтобы подключать стенд.

Лея посмотрела на зеркальную метку, затем на карту пилотского допуска, которую Риан убрал в карман, и на Дориана, стоявшего между ними и панелью аварийной зоны.

— Осмотр с буксира покажет, цело ли крепление, — сказала она. — И поможет понять, почему зеркало поворачивается. На станции этого не проверить.

— Придётся отключить внешний контур на время подхода, — сказал Дориан.

— Тогда отключим.

Он встретил её взгляд.

— Вы предлагаете лететь лично?

— Да.

Риан повернулся к ней. Удивление мелькнуло в его лице и тут же сменилось привычной осторожностью.

— Я могу доставить тебя на ферму, — сказал он. — Но тебе не обязательно выходить со мной.

— Для калибровки крепления мне понадобится считывание меток на месте. Дистанционный снимок этого не даст.

— На внешней ферме не самый уютный кабинет.

— Я помню, где нахожусь.

Он коротко выдохнул, будто хотел возразить, но передумал. Лея знала этот жест: за шутками Риан обычно прятал не страх за себя, а привычку заранее проверять, кому он может усложнить жизнь.

— На рассветном участке освещения, — сказал он. — До этого проверю захват и тягу. Если зеркало продолжит вращаться, будем работать из кабины.

— Я не коснусь его, пока не увижу крепление.

— Вот теперь я могу доверить тебе страховочный трос.

— Я собиралась держать тебя за аварийный шланг.

Улыбка вернулась, но теперь была обращена только к ней.

Дориан снял с экрана маршрут буксира и вывел ограничения внешней зоны.

— Запрет на штатный доступ к внешнему контуру остаётся в силе. Но новый пакет меняет уровень риска для «Светляка». Я оформлю разовую аварийную вылазку на «Сойке»: один выход, только к зеркалу, без включения внешнего стенда. Пилотский допуск Вея останется на проверке до завершения докового захвата.

Риан посмотрел на него.

— То есть вы разрешаете полёт, но не доверяете мне у посадочного модуля?

— Я разрешаю ограниченную операцию. Доверие не входит в форму допуска.

— Зато форма, похоже, входит в вашу душу.

— Риан, — сказала Лея.

— Понял. Без лишних строк.

Дориан заполнил разрешение. На этот раз он не торопился и не делал вид, будто подпись ничего не меняет. Внёс в документ время вылета, границы подхода и условие немедленного отхода при потере связи с «Маяком», затем подписал и повернул панель к Лее.

— Вы будете отвечать за осмотр?

— Да.

— Вы понимаете, что после передачи маршрутной поправки передающий каскад придётся безопасно остановить? Если осмотр затянется, станция не сможет поддерживать повторный обмен на высокой мощности.

— Понимаю. Приёмный контур останется активным.

Дориан посмотрел на неё чуть дольше обычного.

— Именно.

Он не просил поверить ему на слово: оставил перед ней график повреждённой петли и дал время прочитать каждую цифру. Лишь когда Лея подтвердила, что поняла риск, она поставила подпись.

Риан подписал следом и проверил, что его пилотская карта приложена к заявке. Пальцы задержались у поля «ответственный пилот». Он провёл ладонью по шее; даже улыбка возвращалась медленно.

— На рассвете, — сказал он. — Буду у шлюза за двадцать минут до выхода.

— Я приду раньше.

— Конечно. Ты же можешь опоздать только по технической причине.

— И то если причина записана в журнале.

— Буду надеяться, зеркало не попросит журнал.

Дориан свернул панель нагрузки, но оставил на экране проекцию «Стеклянного рукава». Между кораблём и облаком по-прежнему пустовала строка: текущий вектор «Светляка» не подтверждён.

— Поправку нужно передать не позже Дня пятого, 16:39, — сказал он. — До навигационного окна в 17:30. Подтверждение на обратном канале ожидается в 18:11, если путь и сейчас займёт сорок одну минуту.

— Значит, у нас есть время осмотреть зеркало и один раз провести корректный тест, — сказала Лея.

— Один раз, — повторил Дориан.

— Я слышала.

Они вернулись к проекции. Работа не закончилась: Лея внесла обе версии маршрута и отдельно сохранила наблюдения, отметив, что старая запись «Светляка» подтверждает загруженный курс, но не исполнение манёвра. Риан сверил границы подхода к «Парусу» со своей навигационной схемой; Дориан пересчитал допустимую нагрузку и вывел на экран последовательность безопасного отключения передатчика после отправки поправки. В журнале отдельно остались старое намерение экипажа, новые наблюдения станции и неизвестный текущий вектор корабля.

К 23:20 подписи всех троих стояли на одном разрешении, а три временные метки — создания, отправки и получения — были разведены по разным строкам. Дориан отошёл от стекла. Риан остался рядом с Леей, не задевая её плечом.

Внизу, за прозрачной стеной галереи, внешняя ферма терялась в черноте. «Парус» медленно поворачивался на фоне звёзд. Сначала зеркало поймало далёкий свет и блеснуло тонкой серебряной полосой. Блик скользнул по его поверхности, пересёк край фермы и вдруг сорвался в сторону — быстрее, чем на предыдущей проекции.

Лея подняла руку к стеклу, не касаясь его.

На экране возле зеркала дрогнула метка захвата.

Две версии одного сбоя

Метка захвата дрогнула ещё раз, соскользнула с контура «Паруса» и вернулась чуть в стороне.

— Не подтверждай фиксацию, — сказал Дориан.

Лея опустила руку. До стекла оставалось несколько сантиметров; в тёмном отражении её пальцы будто касались экрана. Она взглянула на служебную строку. Метка мигала, но подтверждения захвата не было.

— Я и не подтверждала.

— Знаю. Прошу сохранить исходное состояние.

Риан наклонился к проекции, заслонив плечом полосу звёзд за прозрачной стеной. Ночью его пилотская куртка казалась почти чёрной, и только металлическая застёжка у воротника ловила свет.

— Если зеркало решило помахать нам на прощание, — произнёс он, — я бы предпочёл, чтобы оно сначала предъявило удостоверение.

Лея открыла необработанную телеметрию, не закрывая окно наблюдений. Метка снова дёрнулась. На этот раз она осталась на месте, но за ней протянулся тонкий след — короткий, смазанный, как отражение фонаря на воде.

— Приёмник записал две отметки, — сказала Лея. — Между ними меньше секунды.

— Два захвата или один захват и потеря фазы? — спросил

Дориан.

— По одной картинке не скажу.

— Значит, утром проверим по записи, — решил Риан. — Не будем объявлять виноватым ни зеркало, ни кристалл, ни человека, который к ним сегодня ближе всех подходил.

Дориан задержал на нём взгляд, словно прикидывал, входит ли «человек» в список проверяемых причин. Потом кивнул.

— До вылета нужен результат. Не предположение, которому просто повезло оказаться верным.

Лея развернула рядом две сохранённые версии маршрута. На одной «Светляк» следовал загруженному курсу, на другой — свежей поправке, рассчитанной с учётом сдвига «Стеклянного рукава». В журнале отдельно значились создание пакета, отправка и получение. Красная метка приёмника легла поверх записей, будто к ним прибавилось событие, которого там быть не должно.

— Похоже, сместился угол отражения «Паруса», — сказала Лея. — Луч пересекает границу окна захвата и попадает в соседнюю ячейку. Приёмник читает один пакет как два.

— А я предполагаю потерю фазовой устойчивости кристалла, — ответил Дориан. — Под внешней нагрузкой он может повторно выдать последнюю принятую метку. Внутренний обходной тест его не нагружал.

— Значит, проверим оба варианта, — сказал Риан. — По очереди. Не хочу завтра выяснить, что кто-то из вас был прав

на словах, а не на стенде.

Он держался легко, но на секунду сжал край стола. Лея заметила этот жест. Риан шутил, когда в кабине начинало пахнуть перегретой изоляцией; сейчас он не отворачивался от проекции и не пытался улыбкой обмануть опасность.

— Один фактор за раз, — сказала она. — И пакеты одного формата, с известными метками.

— Согласен, — отозвался Дориан. — На ночь оставим систему в безопасном режиме. Утром проведём контролируемую серию.

До рассвета оставалось несколько часов. На внешней ферме «Парус» продолжал медленно поворачиваться, а его отражённый блик уже исчез с края галерейного стекла. Лея сохранила снимок с меткой захвата в отдельный файл, подписала временем и отключила автоматическую фильтрацию. Рабочие наложения сняла, но журнал оставила открытым.

— Если система попробует сама исправить запись, пусть сначала объяснит это тебе.

— Зафиксирую любое изменение, — ответил Дориан. — Вместе с причиной, если она появится.

Лея посмотрела на него. В его выверенной речи не было ни привычной близости, ни прежней уверенности, что он лучше знает, как ей следует поступить. Только деловой тон и осторожность человека, который понимал: обещанием ничего не починишь.

— Хорошо.

Риан забрал со стола схему пилотского маршрута и свернул её в плотную трубку.

— Проверю «Сойку» перед вылетом. Если мы собираемся облетать зеркало, хочу знать, что за спиной у меня не разболтался стабилизатор.

— Ты собирался идти только после испытаний, — напомнила Лея.

— Так и пойду. Проверка корабля — не выход в открытый космос. Хотя могу пообещать не чинить стабилизатор голыми руками.

— Не обещай того, чего не сможешь выполнить.

— Справедливо. Тогда обещаю сначала надеть перчатки.

У Дориана дрогнул уголок рта, но улыбка не успела оформиться. Он забрал копию журнала на операционный терминал и заверил, что утром будет в мастерской. Риан направился к шлюзовому коридору, а Лея ещё раз проверила, что снимок сохранён на станционном сервере, а не остался во временной памяти проекции.

Она вышла из галереи последней. «Светляк» всё ещё шёл по опасному участку. До дедлайна на отправку поправки оставались дни, а не часы, — достаточно времени для хорошего решения и совсем недостаточно для ошибки, которую никто не успеет заметить.

Утром в калибровочной мастерской пахло горячей пылью и очищающим составом. В 05:50 Лея защёлкнула на запястье идентификационный браслет, и стенд проснулся: на матовом

экране выстроились три пустые строки для контрольных пакетов. За ночь станция повернулась, и теперь через верхнее окно виднелся край внешней фермы.

Дориан ждал у стойки с журналом испытаний. По залому на воротнике рабочей формы было ясно: ночь он провёл в ней же. Увидев Лею, он развернул экран.

— Контрольные метки готовы. Я взял короткие пакеты с разными идентификаторами, чтобы не перепутать повтор с новой записью.

— Хорошо. Источник сигнала?

— Внутренний генератор. Путь до внешнего канала подключим отдельно.

Риан вернулся из ангара, где проверял «Сойку», и заглянул в мастерскую с термокружкой в руке.

— Я принёс кофе, который не претендует на медицинскую сертификацию.

— Тогда оставь его подальше от оборудования, — сказала Лея.

— Он обижен, но подчинится.

Риан поставил кружку на боковую полку и подался к экрану. Не стал расспрашивать, что уже проверили, — дождался, пока Лея сама развернёт схему. Ей нравилось, что он не пытался читать её мысли, когда можно было просто выслушать.

— Начинаем с внутреннего контура, — сказала она. — Внешнее зеркало отключено. Текущий фазовый кристалл оставляем на месте.

Дориан сверил номер модуля. Лея отправила стенду первый контрольный пакет. На экране появилась янтарная метка, следом — время записи и единственная отметка приёма. Второй пакет пришёл с синей меткой, третий — с белой. Каждый занял свою строку; ни одна отметка не раздваивалась.

Риан опёрся ладонью о край стойки.

— Значит, генератор не умеет дублировать пакеты из вежливости.

— Это мы и так знали, — заметил Дориан.

— Теперь знаем с протоколом.

Лея запустила серию заново. Кристалл прогрелся, на панели поднялась шкала устойчивости фазы. Показания оставались в пределах допуска.

— Пока это ничего не говорит в пользу моей версии, — сказала она, просматривая график. — Без внешнего канала угол «Паруса» не проверить.

— И кристалл ещё не испытан под нагрузкой, — ответил Дориан.

За его спокойным голосом проступила знакомая настороженность. Четыре года назад Лея получила от него сообщение о разрыве уже после его отлёта. С тех пор слова по каналу связи весили для неё меньше, чем простое присутствие человека рядом.

Сейчас Дориан стоял возле стенда и ждал результата вместе с ней. Он не просил верить ему на слово. Лея ничего не

ответила и подключила нагрузочный контур. Внешнее зеркало по-прежнему было отключено; менялось только сопротивление тракта.

— Если кристалл нестабилен, сейчас он это покажет.

Они повторили серию. Янтарный, синий, белый — все три пакета вернулись по одной отметке. При увеличении нагрузки фазовая шкала дрогнула, но осталась в пределах допуска.

Дориан просмотрел последнюю серию, приблизил график и сравнил его с допустимым коридором.

— Кристалл держит фазу.

— Да. По крайней мере, в этом режиме он исправен, — сказала Лея.

— А внешний канал мы ещё не подключали, — напомнил Риан. — Не будем выдавать промежуточный результат за победу.

Она взглянула на него. Улыбка у Риана была всё та же — чуть насмешливая, словно любой серьёзности требовался небольшой прокол, чтобы не лопнуть. Но сейчас он говорил не ради шутки: всем версиям полагалось получить одинаковый шанс.

— Подключаем отражённый тракт.

Дориан выбрал внешний канал «Паруса». На стенде загорелся индикатор связи с зеркалом. Лея отправила янтарный пакет. На экране появилась знакомая метка, а следом — ещё одна, с тем же идентификатором и почти тем же временем. Белый пакет повторил её судьбу. Синий вернулся один.

— Это уже не генератор, — сказал Риан.

— И не кристалл, — произнесла Лея. Фазовая шкала оставалась в зелёном секторе.

Дориан открыл сравнение пакетов. Дублированные записи имели одинаковое содержимое, но различались временем приёма на долю секунды.

— Повторная выдача из кристалла оставила бы след на выходном сигнале, — сказал он. — Здесь фаза чистая. Повтор возникает позже.

Лея наклонилась ближе к экрану. Три пакета показывали одну закономерность: дубль появлялся только при подключённом внешнем зеркале. Чистый внутренний контур, даже под нагрузкой, его не давал.

— Значит, дело в отражённом пути.

— Круг подозреваемых сузился, — отозвался Дориан. — Но причина пока не названа.

Лея включила карту углов. Текущий расчётный наклон «Паруса» отличался от прежнего на небольшую величину, однако и малый сдвиг мог увести луч к границе соседнего окна. Она превратила цифры в графическое наложение, чтобы увидеть не только значения, но и путь отражённого сигнала.

Риан проводил взглядом линию от стенда к внешнему каналу.

— Можно вместо настоящего «Паруса» поставить калибровочное зеркало и менять только угол?

— Да. Если оставим тот же кристалл и ту же нагрузку.

— Тогда сделайте так.

Дориан поднял на него глаза.

— Ты предлагаешь повторить опыт с моделью.

— Я предлагаю не отправлять Лею наружу ради проверки, которую можно провести здесь.

В мастерской на миг стало тихо. Риан не посмотрел на неё, когда произнёс её имя, — будто хотел, чтобы решение оставалось рабочим, а не превращалось в просьбу о разрешении заботиться.

Дориан первым отвёл взгляд к стенду.

— Запускаем калибровочное зеркало. Сначала нулевой угол, затем воспроизводим смещение по свежей телеметрии.

Калибровочную отражающую пластину закрепили в рамке стенда. Лея проверила, чтобы крепление не шевелилось, пока Дориан подключал её к внешнему тракту. При нулевом угле пакеты вернулись по одному. Она записала результат и выставила значение, соответствующее смещению, замеченному на внешней ферме.

Первым прошёл синий пакет — чисто. Вторым, янтарным, на экране возникли две одинаковые метки. Белый последовал за ним с тем же сдвоенным следом.

Лея не тронула рамку. Только вернула угол на сотую долю градуса назад и снова пропустила через стенд три пакета. Дублей не было.

— Вот он. Угол выводит отражённый луч на границу окна,

и приёмник захватывает соседнюю метку.

— Кристалл не менялся, — подтвердил Дориан.

— А когда внешний путь отключён, дубля нет, — добавил Риан. — Достаточно понятно даже пилоту.

— В данном случае это комплимент всем троим.

Риан чуть приподнял бровь.

— Запишу в судовой журнал.

Дориан внёс результат в протокол и поставил подпись. Лея добавила уточнение: смещение внешнего зеркала объясняло потерю синхронизации, но не показывало, почему «Парус» ушёл с расчётного угла. Причина самого сдвига оставалась открытой.

— Я ошибся насчёт кристалла, — сказал Дориан. — Он исправен. Моя версия проверку не выдержала.

Лея положила рядом две записи: чистый пакет без внешнего пути и дублированный с зеркалом. Разницу можно было увидеть без догадок и личных обид.

— Твоё замечание о нагрузке помогло исключить внутренний тракт. Если бы мы сразу решили, что виноват угол, могли бы пропустить дефект кристалла.

Дориан коротко кивнул. На миг в его лице мелькнуло что-то прежнее — не близость, а узнавание её профессиональной прямоты. Потом он снова стал официальным.

— Теперь нужно понять, что случилось с зеркалом физически.

— Для этого мы туда и летим, — сказал Риан.

Лея посмотрела на часы. Утро только набирало свет, а испытания уже отняли часть времени, отведённого на подготовку к вылету. Она закрыла протокол, сохранила копию и отключила внешний канал.

— Сначала скафандр.

— Наконец-то ты сказала что-то разумное, — отозвался голос из дверей.

В мастерскую вошла Мира Таль с медицинским планшетом под мышкой и термоконтейнером в руке. Тёмные волосы были собраны в узел, на рукаве формы темнел влажный след — вероятно, от гидропонного блока. Мира поставила контейнер на свободную полку.

— Тут суп, который не претендует на медицинскую сертификацию, — сказала она, заметив кружку Риана. — Кому-то из вас понадобится еда, если вы собираетесь героически забыть про тело.

— Я пила воду, — сказала Лея.

Мира посмотрела на неё, затем на Дориана.

— Ты считаешь воду едой?

— Нет.

— Хорошо. Значит, мы ещё способны разговаривать.

Мира повела Лею в медицинский отсек, где хранились скафандры для коротких выходов и инструменты для проверки уплотнений. Работала она быстро, без суеты: осмотрела наружный слой, провела пальцами по соединению перчатки с манжетой, подключила переносной тестер давления.

Риан и Дориан остались за стеклом, рядом со стендом.

— Ты пойдёшь наружу? — спросила Мира.

— Если скафандр пройдёт проверку.

— Это ответ инженера. Я спрашиваю, уверена ли ты, что не полезешь к зеркалу раньше, чем Риан выведет «Сойку» на безопасную позицию.

Лея выдержала её взгляд.

— Не полезу.

— Хорошо. Я не собираюсь спорить с твоим умом, Лей. Я хочу убедиться, что он не считает кожу запасной оболочкой.

Тестер показал ровное давление. Мира перешла к перчаткам и попросила Лею согнуть каждый палец, затем захватить маленький металлический цилиндр. Лея выполнила движения, но левый мизинец запоздал на долю секунды.

— Манжета сидит туже, чем должна, — сказала Мира.

— Я бы заметила.

— Ты заметила, когда я уже спросила. Это разные вещи.

Мира ослабила застёжку и повторила проверку. Материал перестал тянуть кожу у основания большого пальца.

— Теперь?

Лея снова согнула пальцы и сжала цилиндр.

— Лучше.

— Вот и отлично. Даже самый точный инженер не чинит вакуум голыми руками.

— Я и не собиралась.

— Ты всегда так говоришь за минуту до того, как собира-

ешься.

За прозрачной перегородкой Риан наблюдал за проверкой, не вмешиваясь. Когда Лея поймала его взгляд, он поднял термокружку в немом вопросе. Она качнула головой, и он не стал настаивать.

Мира убрала тестер и защёлкнула на рукаве Леи аварийный маяк.

— Допуск даю. Но выходишь только по страховочной линии, а возвращение подтверждает пилот. Если связь пропадёт — не геройствуешь. Тянешься к маяку и ждёшь команды.

— Принято.

Мира чуть смягчилась и протянула ей питательный батончик.

— А теперь хоть это съешь. Можешь назвать калибровкой внутренних систем.

Лея посмотрела на упаковку, затем на подругу.

— Ты ужасно обращаешься с техническими терминами.

— Зато прекрасно обращаюсь с людьми, которые забывают поесть.

Мира помогла ей снять скафандр и повесила его на стойку. Лея разорвала упаковку и съела батончик, пока они возвращались в мастерскую. На пороге она как раз смяла пустую обёртку в ладони.

Дориан уже открыл архив внешней фермы. На большом экране застыл увеличенный кадр «Паруса», снятый станционной камерой в момент захвата. Разрешение не позволяло

рассмотреть мелкие царапины, но контуры креплений читались.

— Я сверил отражённый луч с сервисной схемой, — сказал он. — Здесь должна стоять керамическая призма настройки.

Лея подошла ближе. Под нижней балкой «Паруса» располагался узел с тремя удерживающими лапками. На схеме между ними сидела светлая треугольная деталь. На кадре осталось только тёмное пустое гнездо.

Пальцы Леи смяли обёртку сильнее. Тонкая плёнка тихо хрустнула.

— Увеличь соседние кадры, — попросила она.

Дориан перелистнул изображения. На одной лапке отражали слабый блик; на следующем оставались неподвижными. Призмы не было. Крепления не выглядели повреждёнными.

— Разрешение скверное, — произнёс Дориан. — На первом кадре деталь могла слиться с бликом.

— На первом — возможно. Но на остальных гнездо тоже пустое.

Лея сверила изображение с сервисной схемой. Угол балки совпадал с тем, который они только что воспроизвели на стенде. Если бы керамическая призма стояла на месте, отражённый луч возвращался бы в расчётное окно. Её отсутствие могло объяснить смещение, но не отвечало на вопрос, куда делась деталь.

На сервисной схеме рядом с внешней фермой значился малый ремонтный буй. Риан перевёл взгляд на его условный знак и перестал крутить крышку термокружки.

— Его положение сверяли по актуальным данным?

Дориан открыл соседнюю панель. Малый обслуживающий буй значился пристыкованным к внешней ферме, однако его маяк передавал нестабильные координаты. Станционная камера видела тонкую страховочную нить, уходившую от узла «Паруса» за край балки; сам буй частично скрывался за конструкцией зеркала.

— Последнее положение отмечено по старой схеме, — сказала Лея. — Текущая метка слишком смещена, чтобы считать её подтверждением.

— Призма могла отойти от гнезда и зацепиться за буй, — предположил Дориан. — Или её сняли при обслуживании и не внесли запись.

— Или она всё ещё рядом с зеркалом, но камера не берёт нужный угол, — добавила Лея.

— Все три варианта заканчиваются одинаково, — сказал Риан. — Нужно облететь «Парус», посмотреть на крепление с другой стороны и проверить буй. Пока ничего не трогать — сначала разберёмся, что на чём держится.

Мира взглянула на снимок, затем на скафандр Леи.

— И никаких самостоятельных прогулок по ферме. У вас есть «Сойка», страховочная линия и пилот, который хотя бы иногда слушает тех, кто отвечает за безопасность?

— Я слушаю, — сказал Риан.

— Ты слышишь. Это уже неплохо.

Лея сложила пустую обёртку и убрала в карман, потом снова посмотрела на экран. Керамическая призма должна была направлять отражённый сигнал; теперь её отсутствие превращало аккуратную схему в цепочку догадок. Ни одна из них не могла сказать, где деталь находится сейчас.

— Я пойду на внешнюю проверку. Риан будет держать «Сойку» на безопасном расстоянии. Дориан останется на канале и станет сверять телеметрию. Мира отвечает за моё состояние и страховку.

— Буду вести телеметрию, — подтвердил Дориан.

— А я удержу корабль там, откуда смогу вернуть тебя без импровизации, — сказал Риан.

— Только не называй безопасным расстояние, которое удобно лишь для разворота.

Он коснулся её запястья и легко поправил перекрутившуюся манжету рабочего рукава.

— Я назову его расстоянием, с которого смогу вернуть тебя без импровизации, — повторил он.

— Это звучит точнее.

— Я стараюсь соответствовать окружению.

На панели уже ждал бортовой план «Сойки». Лея внесла себя в список выхода, подтвердила допуск Миров и подписала страховочную процедуру. Риан добавил маршрут облёта, оставив участок вокруг буя незамкнутым до визуально-

го подтверждения. Последней подписью закрепил за собой управление буксиром.

Он внимательно проверил каждую строку и только тогда отступил, освобождая Лее место у панели. Она приложила ладонь к сенсору и выдала разрешение на вылет.

— Готова? — спросил Риан.

— Теперь да.

Он направился к шлюзовому коридору, не оглядываясь и не торопя её. Следующий шаг оставался за ней. Лея сняла со стойки скафандр, проверила маяк и пошла следом.

У ангара их уже ждала «Сойка» с раскрытым шлюзом. Лея переступила порог первой и не оглянувшись на мастерскую, где на экране всё ещё оставалось пустое гнездо. Впереди был «Парус», и до его тонкой страховочной нити им ещё предстояло добраться.

Парус на тонкой нити

Лея перехватила поручень у раскрытого шлюза, прежде чем магнитная подошва скафандра зацепилась за порог. Втянулась внутрь «Сойки», закрыла створку и вдохнула запах нагретой изоляции и старого кофе. Риан уже занял пилотское кресло и откидывал крышку панели связи.

— Вход зафиксирован, — сказал он. — Выход тоже. Осталось убедить корабль, что мы оба знаем, куда летим.

— Я внесла координаты.

— Корабль капризничает. Ему важно услышать это от меня.

Лея пристегнула скафандр к стойке, чтобы тот не качнулся при первом толчке, и забралась в кресло второго пилота. За иллюминатором, в распахнутых створках ангара, ждала пустота; далеко внизу мерцал световой обод «Маяка-12». Станция ещё держала их за рукав: доковые захваты обнимали корпус «Сойки», рукава питания тянулись к боковому разъёму.

— Контур герметичен, — произнесла Лея, проверив показания на своей панели.

— Принято. Доковый захват отходит.

Риан говорил ровно, не оставляя в голосе и следа беспечности. Он дождался зелёного сигнала и только тогда включил малую тягу. «Сойка» мягко отлипла от станции. Ни дро-

жи, ни рывка — лишь перемена в гуле вентиляции, словно корабль наконец вспомнил, что умеет дышать сам.

На внешнем экране поплыл «Парус»: тонкая ферма, развернутая зеркальная панель и вытянутый страховочный буй у дальнего края. Издали конструкция казалась хрупкой, будто её держали на нитке и добром слове. Лея знала: там были тросы, узлы и стальные крепления, рассчитанные на куда худшее, чем обычный дрейф. Но после пустого гнезда на записи слово «рассчитанные» вызывало у неё желание проверить каждую гайку собственными пальцами.

— Пойдём со стороны станции, — сказала она. — Сначала осмотрим буй и нижние крепления. Потом сместимся вдоль рамы к зеркалу. Не хочу пересекать плоскость отражателя, пока не увижу, как его ведёт.

— Согласен. Если дрейф разгонится, выхожу на обратный вектор. Твой трос остаётся со мной.

Она скользнула взглядом по схеме. Портовый шлюз «Сойки» был отмечен синим, точки крепления — белыми, путь к панели — тонкой жёлтой линией. Риан добавил на неё дугу отхода, оставив свободным участок возле буя.

— А если нижний узел окажется надорван? — спросил он.

— Тогда я не перехожу к зеркалу. Сначала фиксируем буй, потом отходим.

— А если буй целый?

— Проверяю натяжение и снимаю показания.

— План на редкость лишён желаний устроить нам непри-

ятности.

— Их отсутствие в плане не мешает им прилететь.

— Я как раз собирался предложить им посадочное место.

Он произнёс это без улыбки. Она появилась чуть позже — короткая и непривычно сдержанная. Его взгляд задержался на её плечах, проверяя, насколько они напряжены, а не ожидая ответной улыбки. Лея потянулась к защёлке шлема.

— Связь включу через корабельный ретранслятор, — сказала она. — Если пакеты будут задерживаться, сверяемся с метками времени. Никаких команд по одной фразе без подтверждения.

— Есть.

Риан повторил её формулировку почти торжественно и положил ладонь на рычаг тяги.

К моменту, когда корабельные часы показали 08:10, «Сойка» уже шла вдоль внешней фермы. Риан удерживал корпус по станции, носом к страховочному бую «Паруса». Панель оставалась справа и чуть ниже; её отражающая поверхность разбивала солнечный поток на длинные белые полосы. Вдоль рамы тянулись тёмные направляющие, за которые Лея собиралась держаться в перчатках. За внешним краем конструкции лежала открытая орбита.

Она затянула ремень кресла, когда «Сойка» сбросила скорость.

— Угол хороший. Сбавь ещё на две десятых.

Риан повернул кисть. В иллюминаторе буй перестал мед-

ленно увеличиваться и замер на месте.

— Так?

— Так.

Крепление личного троса защёлкнулось у неё на груди с тяжёлым щелчком. Лея проверила карабин, продёрнула ленту через страховочную скобу и вставила измерительный датчик в наружный держатель скафандра. Прибор был не крупнее ладони, с гибким щупом и матовым дисплеем; показания читались даже через запотевшее стекло шлема. Она коснулась перчаткой боковой панели, и на экране развернулась числовая сетка.

— Проверка связи.

В наушнике прошелестел шум, потом раздался голос Риана:

— Слышу. Уровень сигнала девяносто один. Голос — выше.

— Это не параметр.

— Для меня — вполне.

— Принято. Открываю шлюз.

Он не ответил сразу. Лея почувствовала, как «Сойка» сделала едва заметный коррекционный толчок; на корабельном экране жёлтая дуга подхода сместилась, обходя край панели.

— Я удерживаю позицию, — сказал Риан. — Твой трос по левому борту. До нижней направляющей — метр двадцать. Дальше веду тебя по показаниям.

— Если потеряешь визуальный ориентир, не подтягивай.

— Не подтягиваю без команды. Понял.

Лея отстегнулась, взяла датчик, и всё вокруг сузилось до точного набора движений: встать, найти поручень, не задеть шлемом дверной проём, перенести вес на внутреннюю площадку шлюза. Она сама закрыла за собой внутреннюю створку. Давление сошло по цифрам, медленно и ровно. Снаружи темнела ферма, а тонкая страховочная линия от «Сойки» уходила к ней, как нарисованная светом нить.

Наружная створка открылась.

Сначала Лея зацепила карабин за боковую скобу, потом ступила на внешнюю площадку. Магнитные подошвы удержали её, хотя тело по привычке ожидало падения. Корабль за спиной казался неподвижным лишь потому, что Риан выравнивал тягу; на самом деле они скользили вокруг станции в едва ощутимом орбитальном танце.

— Вижу тебя, — сказал он.

— Вижу буй. Начинаю с троса.

Лея двигалась вдоль поручня, оставляя за спиной «Сойку». Крепёж страховочного буя выглядел целым. Она сняла первый набор показаний: натяжение в пределах нормы, колебания слабые, температурная разница между левым и правым узлами незначительная. Дождавшись, пока закончится цикл регистрации, она передала данные.

— Узел один: чисто. Температура ровная.

— Принял.

Буй висел за концом фермы вытянутым цилиндром с

несколькими выцветшими полосами на корпусе. Ближе к креплению темнели следы старых ударов — мелкие круглые вмятины, едва заметные под слоем пыли. Лея зафиксировала их камерой скафандра и перешла к нижнему тросу. Изоляция выглядела потёртой, но целой. Она коснулась гибким щупом двух стыков, сняла показания и заметила, что один болт сместился относительно контрольной риски на несколько градусов.

— Узел два: крепёж держит. Риска смещена примерно на четыре градуса.

— Снять нагрузку?

— Не пока. Сначала проверю соседний.

— Если ответ «нет», не выкручивай его на весу.

— Я не собиралась.

— Хотел убедиться, что мы одинаково понимаем слово «соседний».

Лея перевела взгляд с болта на датчик. Четырёх градусов могло хватить, чтобы отметить обычную вибрацию, а могло быть следом рывка, пришедшегося на трос до того, как буй закрепили. Если бы изоляция треснула, она немедленно отступила бы. Если бы крепёж продолжил смещаться при прикосновении, приказала бы Риану увеличить расстояние. Пока узел держал нагрузку, трещин не было.

— Соседний держится, — сообщила она после проверки второго крепления. — Но у натяжения есть пульсация. Период чуть меньше минуты.

— Вижу на твоей телеметрии. Течение по орбите?

— Вероятно. Зафиксируй частоту. Я обойду буй по нижнему поручню.

— Не заходи за его ось, там у тебя на секунду пропадает связь.

— Поняла.

Лея обогнула цилиндр, держась за ручки на его опоре. Стоило ей скрыться за корпусом буя, как связь на миг пропала. Когда голос Риана вернулся в наушники, он произносил:

— ...слышу тебя. Повтори последнее слово.

— «Связь пропала».

— Теперь точно услышал.

— Это было последнее слово.

— Уточнил ради точности. Ты сегодня заразительна.

В наушниках коротко рассмеялся Риан, но за шуткой Лея слышала сосредоточенность человека, который отсчитывает паузу до следующего сигнала. Она проверила крепление с другой стороны. Второй болт был на месте, обмотка — целая; колебания не превышали допустимой амплитуды. Путь к зеркальной панели оставался открытым.

— Буй цел, — сообщила она. — Есть смещение контрольной риски, но сам узел держит. Перехожу к нижним креплениям рамы.

— Дуга отхода свободна. Смещусь на полметра вправо.

— Не надо. Текущая позиция лучше для троса.

— Принял. Остаюсь.

Риан удержал корабль там, где просила Лея, и дал ей возможность работать.

Она переступила с боевой опоры на направляющую фермы. Под ногами — если слово «под» вообще подходило к открытой орбите — растекалось синее свечение станции. Верхний край панели уходил под таким углом, что определить её плоскость без датчика было трудно. Лея отводила взгляд от отражателя, проверяла крепления, потом цифры и наконец камеру. Малейшее превышение расчётного расхождения — и она немедленно возвращалась к шлюзу.

Первое крепление зеркала встретило её чистым ребром и неповреждённой меткой. Второе оказалось таким же. На третьем датчик показал крошечную разницу температур, однако конструкция держала форму. Лея потянулась щупом к обратной стороне кронштейна и получила резкий скачок отражённого сигнала.

— Что там? — спросил Риан.

— Шум. Возможно, щуп задел край плоскости. Повторяю замер.

Она сместила датчик на несколько сантиметров. Цифры выровнялись. При повторной проверке с другого угла прибор показал то же самое: поверхность панели цела, стойка не гуляет, силовая рама без трещин. На шлифованной кромке виднелась полоса старого потемнения, но материал под ней оставался ровным.

— Крепление три держит. Незначительный шум отраже-

ния, не деформация. Дальше — узел у оптической головки.
— Я бы предпочёл услышать там фразу «всё идеально».
— Тогда не работай с реальными механизмами.
— Поздно. Подписал слишком много бумаг.

Он произнёс это легко, однако конец фразы прозвучал чуть ниже. Лея подняла глаза на иллюминатор «Сойки». До него было несколько метров; за стеклом виднелся только силуэт пилота и тёмный полукруг кресла.

— Трос не натянут, — сказала она. — Позиция у тебя хорошая.

— Я знаю.

— Тогда держи её.

— Держу.

Лея подалась вдоль направляющей. До оптической головки оставалось около двух метров. Панель здесь заметно меняла угол: узкая кромка отражателя уходила к ней, будто конструкция медленно поворачивалась. Она сверилась с телеметрией, записала отклонение и приложила датчик к силовому ребру.

Сигнал запаздывал. Вместо долей секунды задержка растянулась на несколько; отметки времени в углу дисплея сдвигались, словно канал складывал значения в очередь. Лея коснулась связи.

— Риан, передача идёт с задержкой. Проверь буфер.

Ответ не пришёл. Она повторила команду, не повышая голоса.

— На моём канале задержка шестнадцать секунд, — сказал он наконец. — Телеметрия приоритетная, она проходит без паузы. Голос идёт по резервному маршруту вокруг панели. Я вижу твои показания сразу.

— Не переключай маршрут во время замера.

— Не буду.

Лея дождалась окончания цикла. Если данные продолжат уходить в очередь, она сможет воспользоваться локальной записью и сверить её после возвращения на корабль; потерянная отметка времени сделала бы сравнение с прежними измерениями бессмысленным. Она включила запись в память прибора, обхватила поручень и осторожно перенесла вес на следующую опору.

В этот момент отражатель поймал солнце. Белая полоса прошла по щитку её шлема, и на долю секунды всё перед глазами залило светом. Лея опустила голову, дождалась, пока камера подберёт экспозицию, и снова подняла датчик к кронштейну. Шум исчез.

— Узел четыре: металл цел. Угол гуляет, но остаётся в пределах дрейфа.

Ответа не было.

Она сняла датчик, отстегнула щуп от ребра и проверила, не цепляется ли он за страховочный шнур. Потом взглянула на пустую линию вдоль корпуса зеркала. Оставалось найти гнездо призмы и подтвердить, что именно её отсутствие лишило «Парус» точной наводки.

— На этом участке осмотр закончен, — сказала Лея. —
Перехожу к оптической головке.

— **Копирую**—

Голос Риана оборвался, сменившись сухим щелчком помехи. На дисплее комлинка мигнула строка пакета: создан в 08:47, доставлен сейчас. Лея снова взглянула на показания последнего крепления. Метка времени отставала почти на минуту.

Она успела пристегнуть датчик к держателю и перейти к оптической головке, когда в наушниках наконец прозвучал голос Риана:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.